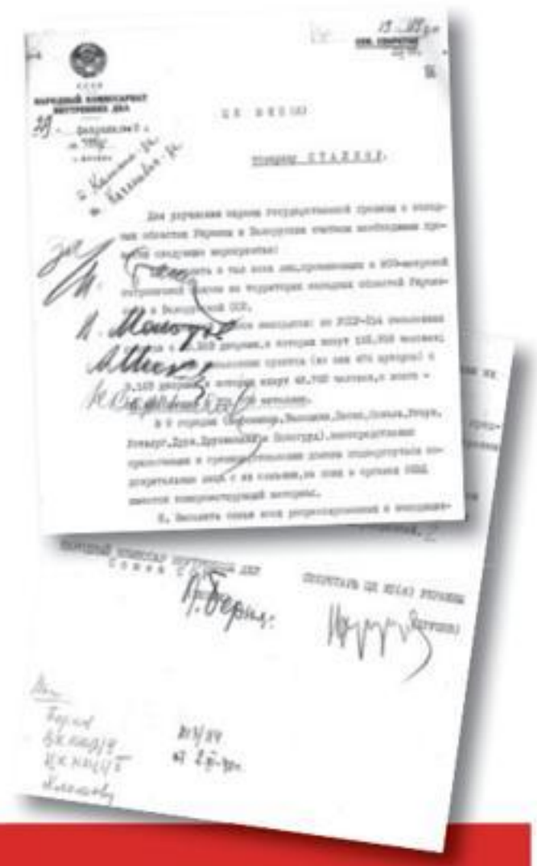
Когда именно Сталин решил расстрелять 22 тысячи поляков и сослать их семьи на Север

Последние, кроме реабилитации жертв, вопросы, связанные с Катынской трагедией, снимает открытие историка Натальи Лебедевой

понедельник среда пятница

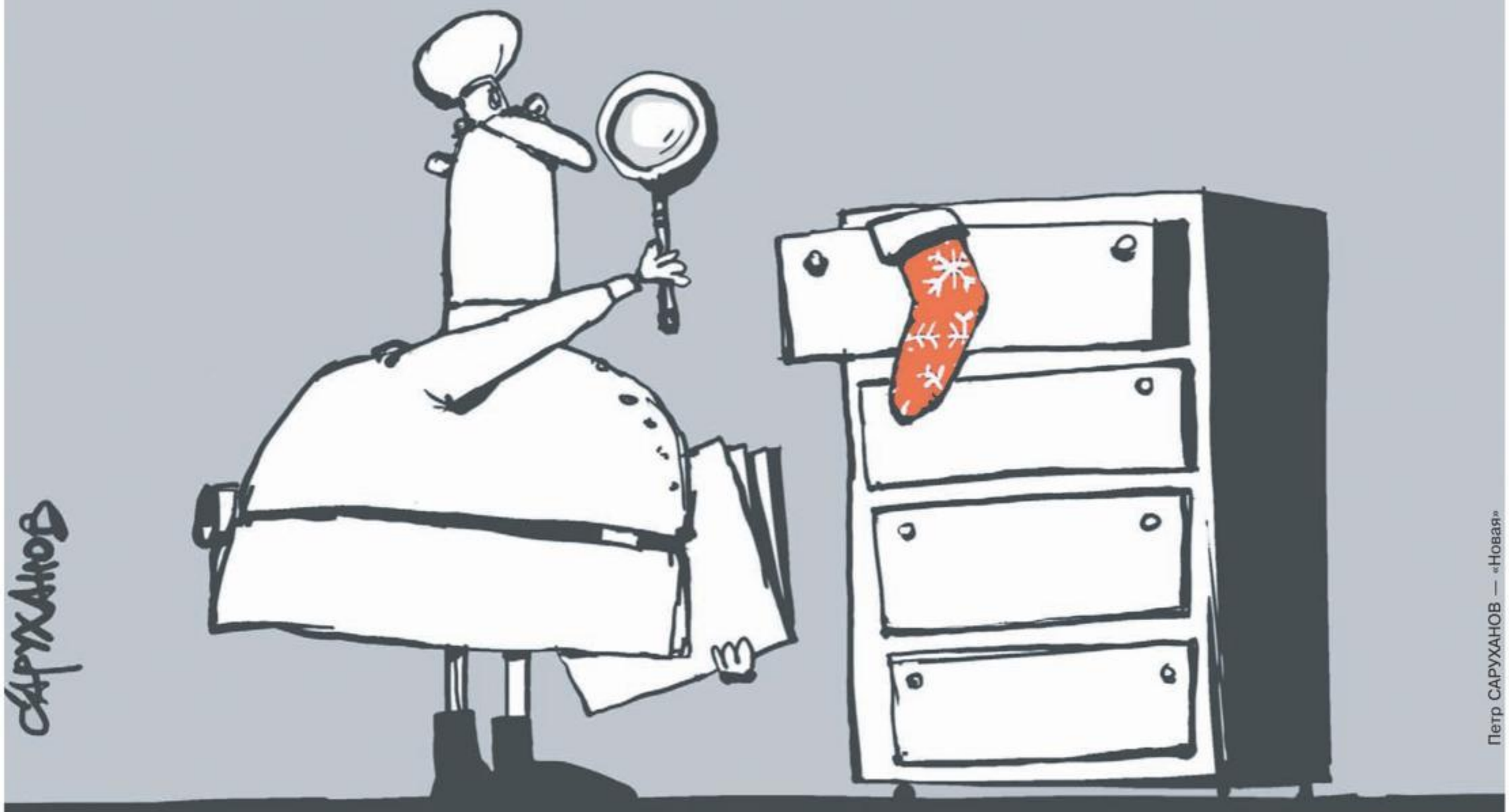
НОВАЯ ГАЗЕТА

№ 75 (2216) 11.07.2014 г.

СТРАНИЦЫ 10—11

Вежливые люди в твоей квартире

Обыски в последние годы стали привычной частью публичной политики. «Новая» решила выяснить, каково это, когда чужие имеют право рыться в твоих вещах и взять из дома все что угодно — от телефона до личных фото

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

СТРАНИЦЫ 4—5

4 607149 380152 14075

Геннадий КОРБАН, серый кардинал могущественного клана «днепропетровских», ближайший партнер Коломойского и куратор «частных армий»:

«Я занимаюсь войной и финансами»

СТРАНИЦЫ 2—3

Геннадий КОРБАН,
серый кардинал могущественного клана «днепропетровских», ближайший партнер Коломойского и куратор «частных армий» — в интервью корреспонденту «Новой»:

«Я занимаюсь войной и финансами»

Сергей ИСАЕВ

Сегодня он первый человек после Коломойского, правая рука губернатора Днепропетровщины, но на Украине его до сих пор еще зовут «рейдером номер один». Фигуру его нельзя назвать публичной. Хотя в квартете с Игорем Коломойским, Борисом Филатовым и Святославом Олейником Корбан стоит во главе одной из крупнейших олигархических бизнес-империй Украины. Прославился Корбан безупречными комбинациями по отъему собственности у бывшего «хозяина» Днепропетровска Павла Лазаренко в пользу квартета. А в последние месяцы заслужил в украинской прессе даже звание «Робин Гуда на Днепре» — за поглощение активов Олега Царева, поддержавшего сепаратистов на Донбассе. Корбан почти не дает интервью под запись, а когда это происходит, говорит осторожно, просит называть его «конфликтологом» или «специалистом по недружественному поглощению». Зону своей ответственности сам Корбан описывает как «материально-техническое обеспечение войны» (именно Корбан курирует добровольческие батальоны, воюющие на Донбассе) и оперативное управление областью.

На днях стало известно, что вместе с Коломойским и Филатовым Корбан целит на активы «донецких», явно потерявших контроль над ситуацией в регионе. Об этих планах Филатов сообщил у себя в фейсбуке, написав, что собственность «заигрывающих с террористами» должна быть конфискована. Впрочем, сам Корбан позже уточнил, что Ринату Ахметову эта перспектива не грозит. Хотя именно к его активам, как считается, давно присматриваются «днепропетровские». Так или иначе, сигнал уловили все. А в Киеве заговорили о предстоящей войне крупнейших кланов, которая сыграет на руку Кремлю и окончательно дестабилизирует Украину не хуже Стрелкова-Гиркина.

«На Востоке с нами воюет ваш российский «Правый сектор»

— У вас очень неоднозначный имидж, а вы ведь уже чиновник. Не мешает?

— Что, пугают мной?

— Что-то вроде.

— Ну пусть боятся.

— На Донбассе, считаете, боятся?

— На Донбассе у нас идет полномасштабная война. Идет против нас, и реагировать мы обязаны на все, что оттуда лезет, как на войну. А воевать я умею, знаю, всю жизнь воевал. Я не военный человек, но я вел корпоративные войны.

— Считаете, можно сравнивать?

— Нет, нельзя. У нас сейчас настоящая война, которая несет трагедию. Корпоративная война несет всего лишь лишение собственности или ее перераспределение, вот и все.

— Но многие видят как раз в этих событиях на востоке передел сфер влияния, той же собственности, войну условной кремлевской корпорации и вашингтонской.

— Наверное, можно называть это подобными идиоматическими оборотами. Но война, на которой гибнут люди, гибнут массово, мирные, военные, мобилизованные, — это реальная кровь. Тут воюют жестко, конкретно. С той стороны против нас воюют наемники, добровольцы, большинство из них — маргинальные элементы, которые находятся в так называемом ополчении, а мы их называем террористами. Они — это своего рода ваш российский «Правый сектор», который не может жить без войны, грабежа, наркоты. И сюда им был билет в один конец. И назад их не пускают в Россию — только в мертвом виде. Зачем вся эта опасная шушера Путину нужна?

«Все, что принадлежит семье Януковича и его близким, должно быть передано народу»

— Какую сторону, по-вашему, занимают в этой войне донецкие элиты?

— Давайте разделять «донецких». Они не совсем однородны теперь. Среди них есть те, кто стоял последние годы у власти, имеются в виду Янукович, Пшонка и компания. И они сыграли основную роль в раскачке Донбасса, они финансировали ее, этим занимался в первую очередь сын Януковича. Сначала продюсировали мирный протест, а потом дали людям в руки оружие. Ну а дальше в регионе появилась военная техника, танки, «Стрелы», «Иглы» и прочее бог знает что, чего никогда не было на вооружении в Украине. И вот здесь мы видим акт прямой агрессии Российской Федерации по отношению к соседнему государству. Дальше по «донецким». Есть Ахметов и его люди.

— Который, как говорят, финансировал Пушилина.

— Знаете, я привык верить фактам. Как говорится, не пойман — не вор.

— Ну, разумеется.

— Да, и я не видел, как он финансировал Пушилина. Я все-таки верю в порядочность Ахметова. Что он не пожелал бы Донбассу сегодняшних событий. Другое дело, что его позицию самоустранения от процессов я считаю очень вредной. Ведь что он вообще сделал (*чтобы вернуть контроль в регионе.* — **П.К.**)? Дал этот свой гудок. Я имею в виду, призвал своих рабочих на забастовку, которые выходили по гудку. И это когда шла уже настоящая война, когда все стало очень серьезно.

— Насколько сейчас он может управлять ситуацией?

— Он уже не управляет вообще. Это мне очевидно.

— А что с вашей идеей отобрать собственность у «донецких»?

— Постойте, это сейчас еще всего лишь дискуссия. Но да, есть масса собственности: предприятия, шахты, все остальное, что принадлежит семье Януковича и его близким сотникам. Поэтому прежде всего речь мы ведем о них, кто откровенно грабил страну, и собственность их должна по справедливости принадлежать народу...

— То есть не вашей группе?

— Я закончу, можно? ...народу и тем семьям, которые потеряли кормильцев в войне на востоке. Это справедливо, так? Мы считаем, да. А какая будет форма (*владения.* — **П.К.**) и как это будет выглядеть юридически, как осуществить передачу — это второй вопрос и отдельный механизм. Его надо думать, прорабатывать. И мы дискутируем.

— Но многие восприняли эту дискуссию именно как намек Ринату Ахметову, а сейчас вы как бы очень так мягко дезавуируете.

— Что поделать, нас не совсем правильно поняли.

В кабинет к Корбану зашел Борис Филатов:

— Мне уже вчера звонил партнер Ахметова Новицкий и спрашивал: «Что вы имели в виду?»

Геннадий Корбан:

— А имеется в виду то, что украдено у государства, у налогоплательщиков, и те бизнесы, та недвижимость и заводы, которые были украдены людьми, поддерживающими террористов. А если кто-то думает о пересмотре приватизационных процессов, то, наверное, это не наша компетенция.

«Идея выдвинуть Медведчука принадлежала нам»

— Вашу группу «днепропетровских» называют одной из сильнейших в стране, так же как и «донецких». И вы, получается, заходите на их поле…

— Еще раз. Мы не бросали вызов Ахметову, его бизнесу. Да, у него есть позиция по поводу Донбасса (*имеется в виду идея большей самостоятельности региона.* — **П.К.**), она нам понятна, но мы не считаем, что он причастен к разжиганию гражданского конфликта. Но подход его, да, оставляет желать лучшего.

— Что насчет Медведчука?

— Я объясню очень просто. Страна не могла долго находиться в состоянии неопределенности — ни войны, ни мира. Я говорю о том временном перемирии, которое у нас было. Наш президент должен был определиться: мы воюем или живем. И мы открыли дискуссию: если вы хотите мира, делайте конкретные шаги, чтобы его установить. А просто сказать — «перемирие!» — что это значит? Это ничего не значит, потому что продолжают гибнуть наши парни! То перемирие — это был цугцванг, а надо было делать какой-то ход дальше, как в шахматной партии. Потому мы предложили этот ход с Медведчуком.

— Вы?

— Да, наша команда с Игорем Валерьевичем (*Коломойский.* — **П.К.**) предложила сделать такой ход.

— Не Москва?

— Да какая Москва? Это была наша идея. Давайте я объясню ее. Кто такой Медведчук? Это фигура, которая давно не в политике и которая очень хочет вернуться в украинскую политику, но не имеет возможностей. Теперь дальше. Медведчук — это самый настоящий ким Путина. И если этого человека украинский президент назначает своим указом на должность губернатора Донецка, то Медведчук становится нашим троянским конем, который просто будет обязан поехать к своему куму и сказать: «Вова! Давай закончим! Я все улажу. Ведь для меня это шанс вернуться».

— Шанс для Медведчука, но какой интерес у «Вовы», с чего ему соглашаться?

— У Вовы интерес иметь там своего человека. Плюс, так сказать, это игра на родственных связях — почему бы не помочь своему куму вернуться в большую политику. И через него, может быть, лоббировать свои интересы. С помощью Медведчука мы могли бы обеспечить Путину эту, может быть, иллюзию. Сам же Медведчук при этом попадает в вилку — с одной стороны, он должен служить украинскому народу, с другой — он вынужден был бы договариваться с Путиным лично, а не Петр Алексеевич там и европейская дипломатия...

— И это была ваша комбинация?

— Да, это нормальная шахматная комбинация.

— Сейчас она еще актуальна?

— Уже нет. Президент, мы считаем, принял правильное решение о продолжении военной операции. И наша идея насчет Медведчука, возможно, простимулировала его к такому шагу. Ведь мы выходили к нему с этой идеей, обсуждали ее. В конце концов, нам нужно было определенное решение — воюем или попробуем мир с Медведчуком?.. В чем, кстати, еще был плюс этой комбинации. Медведчук в качестве губернатора смог бы расколоть вооруженные группы на Донбассе. Те из них, которые не совершили страшных преступлений, могли бы войти в состав правоохранительной системы региона.

10 июля 2014. Славянск
Евгений ФЕЛЬДМАН — «Новая»

А все остальные, отказавшиеся подчиниться новому руководителю и встать под украинский флаг, оказались бы вне закона. В этом случае одна часть Донбасса гасила бы другую часть. А из Днепропетровска, Житомира и Хмельницкого не гибли бы люди. В Донецке бы разобрались друг с другом сами.

«Мы разгадали истинную цель и стратегию господина Путина на Востоке»

— Это какая-то совсем жесткая схема.

— Вы не поняли. Предложение нами такой схемы простимулировало президента принять правильное решение. Мы просто открыли диалог: хотите мира, делайте шаги. А если нет — тогда воюйте.

— По-моему, вы сейчас подтвердили давние слухи, что Днепропетровск давит на Киев, желая добиться какого-то особого статуса, стать «столицей Востока».

— Мы ничего не просим, мы ни на кого не давим. Мы защищаем страну, область и город от внешнего агрессора. Никаких экономических преференций, никаких условий не выставляем. Мы хотим, чтоб скорее закончился кошмар, и мы могли перейти к построению европейского общества как минимум в нашей области.

— А остальная Украина?

— Остальная Украина тоже должна стремиться, но мы не видим этого. Произошла смена власти, но чиновники снова выстраивают схемы, опять берут взятки, по-прежнему воруют и являются участниками коррупции. То есть произошла смена лиц, а мы хотим изменений по сути.

— Интересно слышать это от вас.

— Послушайте, назовите хотя бы один актив, который мы когда-либо имели в результате приватизационных процессов. Все, что мы имели, мы создавали или поглощали у неумелых собственников и тех же коррупционеров.

— После назначения близкого вашей группе Игоря Палицы губернатором Одесской области заговорили, что «днепропетровские» хотят контроля над всем Юго-Востоком.

— Действительно, мы предложили Палицу, потому что мы считаем Одессу стратегически важным регионом с точки зрения сохранения единства страны. Я вам объясню. Мы разгадали истинную цель и стратегию господина Путина на Востоке. (Он действительно великий ум и стратег.) Она заключалась в том, что с момента прихода к власти Путин как истинный патриот России начал выстраивать и реанимировать так называемые замкнутые циклы, которые были утрачены в результате распада СССР. Ведь Россия на момент развала СССР, по сути, не имела и сейчас не имеет своей космической ракеты. То, что они сделали под названием «Протон», — это грязная ракета, неконкурентоспособная, которая падает, и космические клиенты отказываются от запуска этих ракет. Это раз. Второе — это сырье. Железные и марганцевые руды, редкоземельные металлы, которыми обладает Украина и которых недостаточно в разведанном виде в России. Третье — это транзитный аммиакопровод, нефтепровод, а также газопровод. Это те замкнутые циклы, которых недостает России, хотя я назвал не все. Естественно, в России все эти годы Путин пытался установить контроль над этими замкнутыми циклами и присвоить их. Без них Россия обходиться не может. В этом смысле Одесса и Днепр — это важнейшие центры. Конечно, раскачать ситуацию проще всего было на Донбассе, но целью Путина был обязательный заход в Одесскую и Днепропетровскую области. Потому что здесь находятся основные мощности этих замкнутых циклов. Если мы посмотрим на Донбасс — это убыточные шахты, старые перерабатывающие заводы, по сути, металлолом. Что такое Днепропетровская область — это сталь, это марганец, это уран. Наконец, это «Южмаш», это надежная ракета «Зенит», это комплектующие для космической обороны. Вы же знаете, что Россия на сегодня не в состоянии самостоятельно обслуживать свои комплексы «Сатана» — это делается на нашем «Южмаше». Дальше. Что такое Одесса? Это порт, аммиакопровод, нефтепровод, транзитные коммуникации. Поэтому мы считаем, что контроль над этими областями является стратегически важным делом. Куда более важным, чем контроль над Харьковом, Запорожьем и куда еще он там рвался? В аграрную Херсонскую область. Поэтому мы предложили Киеву свой план, взяли на себя ответственность и сохранили стабильность на этих территориях.

«У нас не было цели идти на Киев»

— А как быть с газопроводом?

— Он тоже проходит по Днепропетровской области и еще Харьковской. Так что для Путина отхватить такой смачный кусок Украины стало мечтой, целью. Но мы его лишили мечты. И в общем, не удивительно, что на нас нападает российская пропаганда, ваша карательная система, даже наши украинские недоброжелатели.

— Но если вы настолько эффективная команда, почему не участвовали в президентской кампании?

— У нас не было цели идти на Киев. Мы уроженцы Днепропетровска. Мы прежде всего хотели бы обеспечить мирное небо для собственных граждан, которые живут здесь.

— За всю страну ответственность брать не решились?

— Нам и не предлагали. Может быть, мы и взяли бы. Но нас не просили, вот и все. Если кто-то считает, что у нас есть глобальные амбиции, то это иллюзия.

— Но вы сами третируете Киев за нерешительность. И давите — как ни крути.

— Немного не так. У нас с Киевом сложились партнерские отношения. Мы уважаем киевскую власть, мы подчиняемся этой власти. Но наша позиция и подходы наиболее активны сегодня, поскольку у Киева — вся страна, а у нас только две области.

10 июля 2014. Славянск
Евгений ФЕЛЬДМАН — «Новая»

— Но вы понимаете, что Порошенко не нужны сильные региональные лидеры и рано или поздно вы не разойдетесь?

— Все, что мы хотим, это получить децентрализацию, которую нам обещали. Мы хотим деньги, зарабатываемые в нашей области, тратить в нашей области. Сегодня же мы тратим и кормим 15 областей. Да, мы и в дальнейшем будем с удовольствием делиться с государством. Но мы хотим больше самостоятельности.

— Может быть, федерализации?

— Ни в коем случае. Это принципиально другое, и нам этого не нужно. Нам нравится Украина, мы ее любим и хотим быть в ее составе, но иметь свой голос. Наладить сытую хорошую жизнь Днепропетровщины.

«Путин с недавних пор болезненно воспринимает наше существование. Это месть»

— У вас еще остались какие-то бизнес-интересы в России?

— У нас их особо и не было, и вряд ли они будут. Россия — страна, где живут несколько городов, а в остальных люди существуют в бедности и кошмаре. И нет никаких гарантий перемен вообще.

— Как в вашем квартете восприняли уголовное дело против Коломойского?

— А как можно воспринимать уголовное дело вашего Басманного суда? Видимо, Путин с недавних пор очень болезненно воспринимает наше существование. Это месть за наше эффективное сопротивление сепаратистским настроениям вглубь страны, ну и плюс неприязнь к нам некоторых лиц в окружении Путина.

— Коломойский уже не должен Абрамовичу?

— Еще за полтора года до революции конфликт с Абрамовичем был улажен мировым соглашением в британском суде. Так что я думаю, Владимир Владимирович просто не владеет достоверной информацией.

«Частные армии» — название бредовое, они же подчиняются Авакову»

— Как в квартете вы распределяете зоны ответственности?

— У нас коллективная работа, но есть персональные направления. Внутренней политикой занимается Филатов и контролирует медиаподдержку и так далее, что связано с общественными организациями. Олейник курирует силовые органы, а я занимаюсь войной, аппаратом, экономикой.

— Можно подробнее про войну?

— Войной — созданием батальонов, получением оружия, амуниции. Военная логистика, обеспечение, тыл, разведка, координация с командованием Южного округа... Поймите, мы вступили в войну, когда были к этому абсолютно не готовы. В танках не было топлива, чтобы ездить, никто никогда не воевал, не было учений, оборудования, бронежилетов, одно старье. И вдруг все по-настоящему. И это не просто стрелялки. И кто этим должен заниматься, когда у нас в ста километрах начинается уже эта ДНР?

— Но вот у вас есть эти «частные армии»...

— Ну это название бредовое, послушайте. Батальоны, которые есть, прикрепляются к МВД Украины и подчиняются Авакову, которого, кстати, мы считаем результативным менеджером.

Павел КАНЫГИН,
спец. корр. «Новой»,
Днепропетровск

Вежливые люди в твоей квартире. «Но все кружки могут забрать»

Анатомия обыска: «Новая» решила выяснить, каково это, когда чужие имеют право рыться в личных вещах и взять из дома все что угодно — от телефона до личных фото. Это происходит сегодня

Евгений ФЕЛЬДМАН — «Новая»

История обысков у оппозиционеров началась 11 июля 2012 года: тогда квартиру Навального перевернули вверх дном

Обыски в последние годы стали привычной частью публичной политики. Для активистов звонящие поутру в дверь следователи — уже не неожиданность: два года назад пришли к Навальному, Яшину и Собчак, чуть позже — к людям, после этих обысков ставшим «узниками Болотной». Теперь под ударом соратники Навального.

В конце мая следователи нагрянули к активистам Николаю Ляскину и Константину Янкаускасу, которые помогали Навальному во время прошлогодней мэрской кампании. Заведено дело о «Яндекс.Деньгах»: они обвиняются в том, что похитили средства, собранные через интернет на кампанию Навального. В среду следователи добрались до Фонда борьбы с коррупцией — с обыском пришли к разоблачителю депутатских дач Георгию Албурову и по месту прописки расследователя коррупции на сочинской Олимпиаде Никиты Кулаченкова: там живут его родители. Молодые люди — свидетели по делу о краже картины, которую сотрудники ФБК подарили Навальному на день рождения. Свидетели по таким делам часто становятся обвиняемыми.

Якобы украденная картина — на самом деле распечатанный плакат, их владимирский художник Сергей Сотов развешивает на заборе в родном городе и не возражает, чтобы их снимали и уносили, — по крайней мере, так он говорит на выложенной в интернете видеозаписи. Однако позже он написал заявление о пропаже картины, да еще и оценил ущерб от кражи как значительный — это утяжеляет вину (до 5 лет тюрьмы) и означает, что подозреваемого могут арестовать до суда.

Георгий АЛБУРОВ, сотрудник ФБК. Обыск — 9 июля, «картинное» дело:

— Мы в ФБК живем в перманентном ожидании обыска, начиная с июня 2012 года — тогда был обыск у Алексея Навального и в офисе ФБК. Каждого, кто приходит к нам устраиваться, предупреждаем, что с ним такое может случиться. Это нормальная часть нашей работы. Три месяца назад у нас даже семинар был о том, как вести себя во время обыска. У троих слушателей этого семинара обыск уже состоялся.

Я ждал следователей домой еще две недели назад, как только у Алексея изъяли плакат. Так что я подготовился. У меня нет дома никаких преступных материалов или еще двадцати плакатов с забора, но неприятно, когда личные фото или материалы по работе забирают сотрудники СК. Поэтому все, чего я не хотел лишиться, я закопал в лесу.

Позвонили мне в дверь примерно в девять. Сказали, то ли посылка, то ли повестка... Но было понятно, что это обыск, за два года, что я живу в этой квартире, ко мне с посылками с утра ни разу не долбились. Я позвонил адвокату, но он не брал трубку, и тогда я открыл.

Начали они со спальни: перетрясли все книги. Зато не полезли смотреть, что лежит на шкафах. И в кровати, под одеялом, я мог хоть десять ноутбуков спрятать — они туда не заглянули. Ванную, туалет тоже посмотрели халтурно. Нацеливались прежде всего на технику, документы мало их интересовали, их только проглядели — вдруг найдут указания от Госдепа. Забрали два ноутбука, айпэд, айфон. Долго обсуждали, изъять ли мой Ipod Nano, мог ли я спрятать на нем информацию. А фотоаппарат вовсе не нашли, я сам под конец обыска вспомнил, что он у меня есть, — нужно было как-то скопировать протокол. От того, что они могут найти на моих электронных носителях, я удара не жду.

Обыскивали меня следователь по особо важным делам, сотрудник ФСБ (дело о краже плаката на контроле ФСБ, да), разнорабочий из СК (он тоже в каком-то звании, но занимается тем, что перекапывает твои вещи) и двое понятых. Разнорабочий просто доставал вещи — если находил что-то связанное с компьютером, показывал оперативнику ФСБ, и тот оценивал важность находки для следствия.

Часа в два они уложились. Вообще, я не заметил разницы в квартире до и после обыска. Может, я просто давно не убирался... Но никто не вышвыривал вещи из шкафов, не бросал на пол. Никаких угроз, прессинга не было. До начала обыска мне спокойно дали дозвониться адвокату, телефон отобрали перед самым началом собственно следственных действий. Мне даже предложили скопировать с изымаемых компьютеров нужные мне данные.

Я отнесся ко всему спокойно: этого обыска я ждал две недели. Ожидал, что будет обыск и в квартире в Уфе, где живет моя мама, но не было, слава богу. Если занимаешься политикой, родные должны иметь даже более крепкие нервы, чем у тебя. Вообще, моя жизнь стала гораздо веселее — с уголовочкой.

Недавно я окунулся в странное ощущение: что любое твое действие может вызвать скандал или уголовное дело. Теперь надо в десять раз аккуратнее соблюдать ПДД. Но нет, я не чувствую паралича, который мешал бы работать. Все это — оценка наших заслуг со стороны Бастрыкина. Отлично, значит, будем работать дальше и больше.

Ольга ГОРЕЛИК, жена сидящего под домашним арестом Константина Янкаускаса. Обыск — 23 мая, по делу о «Яндекс.Деньгах»:

— Это прозвучит пафосно, но жизнь я делю на «до» обыска и «после». Мужа вскоре взяли под домашний арест, кроме того, у меня умерли две бабушки, но это не имеет отношения к уголовному делу.

Сам обыск начался в 7.23 — почему-то запомнилось время, когда позвонили в дверь. «У вас в подъезде произошло убийство, нам нужно вас опросить». Муж ответил, не открывая: «Сейчас слишком рано, а мы все равно ничего не слышали». А они продолжают звонить в дверь. «Перестаньте хулиганить, здесь живет муниципальный депутат», — говорит муж. «Ах, депутат! А мы к вам с обыском».

Мы не первый год в политике, знаем, что нельзя их пускать до приезда адвоката. Они из-за двери говорят: посмотрим, кто быстрее, ваш адвокат или наша болгарка. В общем, мы три часа держали их под дверью. Я стирала с телефона всякие видео с танцами и песнями, чтобы на «Лайфньюс» потом не появились ролики с неловкими сюжетами. Бабушка — мы с ней живем — оттирала со шкафа наклейки «Навальный». Мы звонили родителям, но никто из них упорно не брал трубки. И тут мы поняли, что, значит, к ним тоже пришли и запрещают подходить к телефону. Это был самый неприятный момент — мы начали волноваться за их здоровье. Но оказалось, они выдержали все это гораздо лучше, чем мы ожидали. К обыску они совсем не были готовы, но мой папа быстро собрался и начал цитировать следователям Высоцкого — что-то про ментов и понятых.

Пока мы ждали адвоката, у нас под дверью собрались друзья и журналисты. Первый этаж в смысле обысков очень удобен: Костя целую пресс-конференцию давал с балкона. Когда адвокат приехала и мы впустили следователей, они к нам в квартиру зашли как в укрытие: «Что они у вас такие злые, что они на нас кричат?» Это с ними общались наши товарищи из штаба Зюзино, «Партии 5 декабря» и «Партии прогресса».

Цели запугать и развернуть квартиру у следователей не было. Ну, прошли в ботинках, подумаешь, у нас и гости так делают. Вещи из шкафов не выбрасывали, не «жестили», не хамили, даже шутили с нами. Говорили: «Поймите, у нас работа». Мы понимали, что раз обыск, то будут последствия, в покое нас вряд ли оставят. Но не скажу, что в процессе было страшно или обидно: ожидание обыска было гораздо более нервным. Мы даже чаю им предложили: один следователь, балагур, выпил две чашки кофе, потом даже сам стал себе наливать. Пока мы ждали машину, чтобы увезти Костю на допрос, следователи рассказывали истории из своей работы, например, про понятие «объективная истина»: нужно искать и доказательства виновности, и невиновности подозреваемого, получается, говорили они, какая-то шизофрения. Муж рассказывал про свое депутатство — слушали с уважением, но это ничего не значит. Они могут даже соглашаться, но если им скажут — шейте ему 10 лет, они все сделают. Этот следователь-балагур все пытался вывести нас на разговоры о политике, но мы понимали, что все может быть использовано против нас.

Николай ЛЯСКИН — обыск 23 мая, по делу о «Яндекс.Деньгах»:

— Все началось со звонка сестры в полвосьмого утра. Она была в квартире родителей одна, беременная, а ей чуть ли не ногами в дверь долбят. «Что делать?» Говорю: не открывай, сейчас приеду с адвокатами. Пока я одевался, и у меня в дверь звонок. Но ко мне пришли люди вежливые: «Николай Николаевич, откройте, пожалуйста». Я знаю, что надо всегда ждать адвокатов, но я хотел здесь им открыть, чтобы там, у сестры, они тоже поспокойней себя вели. Ее там сильно напугали: хватали за руки, один из пришедших ее толкнул. А у меня следственная группа вела себя прекрасно, я даже попросил их позвонить туда, следователям у сестры, и сказать им, чтоб успокоились. После этого, говорит сестра, толкавший ее человек куда-то пропал из квартиры.

У меня все прошло в корректной форме. У сестры вещи вытаскивали, раскидывали. У меня — даже спрашивали из вежливости, можно ли посмотреть: я сам открывал, вытаскивал, потом клал на место. Такого, как фильмах, чтобы все валялось на полу, не было — вот у сестры был беспорядок приличный. Плохо только, что раннее утро: дома и жена, и дочка. Дочь проснулась от стука в дверь и напугалась. В частности, поэтому я им быстро открыл. А потом — ну пришли какие-то дяди: она общительный ребенок, к гостям привыкла. Она же в 4 года не понимает, зачем к нам пришли. Ребенка мы как можно скорее увели к соседям — мы дружим. Пока за стеной шел обыск, они с дочкой играли.

Шуточек мы не шутили: я был зол из-за происходящего с сестрой. Только когда они заходили, я в шутку предложил им надеть бахилы: у нас для дочкиных врачей на всякий случай лежат. Отказались, конечно, прошли в обуви.

Для сестры или родителей само слово «обыск» — уже страшно. Но я был морально давно готов. Надеялся, конечно, что минует меня чаша сия. Не миновала.

Сам процесс — это противно. Мерзко, что копаются в твоих вещах, а ты знаешь: могут забрать что угодно, объявив необходимым для следствия. Захотят — все кружки с кухни заберут, и будешь как дурак без кружек. Впрочем, в нижнее белье они не полезли. Так и сказали: «Вообще, конечно, надо бы перевернуть, здесь обычно все и прячут. Но мы не будем». Понадеялись на мою добропорядочность.

Пока шел обыск, к подъезду друзья и знакомые приехали. А следователи велели консьержке пускать в подъезд только живущих в нем и представителей СК. Поэтому за время обыска у меня под окнами собрался еще и мини-митинг из людей, которым просто нужно было в подъезд.

Еще до начала следственных действий я выложил в твиттер фото подполковника, как он сидит у меня на кухне. И когда меня уже собирались везти на допрос и я включил телефон, начали серией приходить уведомления: фото разошлось широко, сотни ретвитов. «Что это? — спросил один из следователей. — Можно посмотреть?» И говорит подполковнику: «Слушай, тут пишут, что ты толстый!» Подполковник стал просить фото удалить, договорились на том, что я просто больше не буду их снимать.

Потом меня везли на допрос, они немного извинялись: «Мы сами не знаем, зачем нас к вам отправили, обычно мы занимаемся экономическими преступлениями». Хотели, чтобы я вошел в их положение. Но я-то знаю, что это стандартная разводка.

С тех пор я живу с чувством, что меня, возможно, вот-вот «закроют». Но я это ощущение осознал, зафиксировал и отодвинул в сторону. Живу дальше. Иначе невозможна будет ни кампания, ни общественная деятельность — да банально поднести бабушке на улице сумку будет невозможно — вдруг она заявит, что я пытаюсь ее ограбить.

Записала **Наталия ЗОТОВА**

ПОД ТЕКСТ

Татьяна СОЛОМИНА, адвокат Московской коллегии адвокатов, правовой эксперт, проводившая семинар о поведении на обыске в ФБК:

— По действующему закону следователи имеют право делать все. Могут даже приходить с обыском без постановления суда, мотивировав это крайней необходимостью — именно так они сделали в случае с Албуровым. Они могут забрать все, что их интересует. Приходят с обыском по делу о картине — а забирают все гаджеты. Или, например, забирают личные письма и фотографии, придя по делу о массовых беспорядках.

Обязанности следователей на обыске — привести понятых и оставить копию протокола. Как правило, это соблюдается.

Толкать обыскиваемого, как делали с сестрой Ляскина, — это статья 286 УК: превышение должностных полномочий. Но никаких последствий не будет: я несколько раз пыталась возбудить дело по этой статье — не получилось, всегда друг друга покрывают.

Следователи не обязаны сохранять порядок в чужой квартире или убираться после — это прописано в должностных инструкциях. Да, они могут предложить лицу добровольно выдать те или иные предметы, прежде чем переворачивать квартиру вверх дном. Но часто они сами не знают, что конкретно ищут. Кроме того, вываливание вещей на пол — это устрашение.

Для детей обыск — конечно, травмирующий момент, я всегда их советую уводить. Это не прописано в законе, но следователь обычно идет навстречу — совсем зверей я среди них ни разу не встречала.

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Свобода слова — для всех

Заявление Конгресса интеллигенции

Из-за разницы в оценке событий, происходящих в стране, в нашем обществе уже произошел раскол. Большинство населения поддерживает действия власти, но есть и другие точки зрения. Их нередко придерживаются люди, с чьим мнением не считаться нельзя. Многие из них составляют славу России.

Государственные каналы телевидения существуют на деньги всех налогоплательщиков и обязаны представлять разные точки зрения на то, что происходит в стране, они не могут быть приватизированы властью и не должны становиться только ее рупором. Массированная информация, освещающая события односторонне и тенденциозно, превращает народ в оболваненную толпу и в таком случае сама идея демократии оказывается полностью извращенной.

Известный трагический пример манипуляции общественным сознанием с помощью массмедиа был продемонстрирован в 30-х годах прошлого века при проведении массового мероприятия «Акция против негерманского духа» — сорокатысячная толпа, состоящая в значительной части из студентов университета Гумбольдта, сжигала книги. Это был пролог к Второй мировой войне.

Назрела острая необходимость создать на ВГТРК (на канале «Россия 1») программу, открывающую возможность свободно мыслящим людям общаться с многомиллионной аудиторией телезрителей. Созданное на государственные деньги так называемое общественное телевидение (канал ОТР) выполняет чисто декоративную роль, не оправдывая надежд, которые на него возлагали.

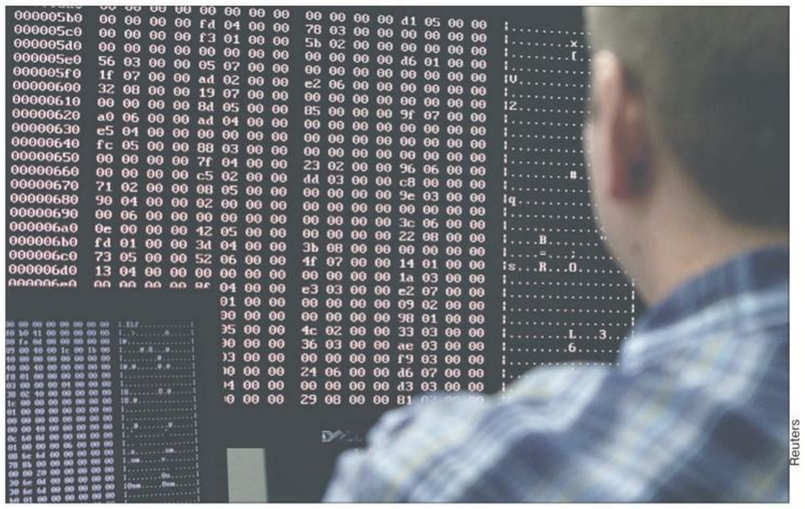
Достаточно вспомнить, ВГТРК создавался более 20 лет назад, и в напряженное для страны время помог преодолеть раскол в стране. В наше время необходимость в такой функции очевидна. Мы вправе требовать от государственной власти субсидировать такую программу. А обеспечить ее высококвалифицированными кадрами общество сумеет.

Людмила Алексеева, Лия Ахеджакова, Андрей Макаревич, Людмила Улицкая, Ирина Прохорова, Лев Пономарев, Алексей Симонов, Светлана Ганнушкина, Валерий Борщев, Андрей Смирнов, Виктор Шендерович, Андрей Пионтковский, Наталья Фатеева, Татьяна Лазарева, Владимир Мирзоев, Александр Белавин, Леонид Никитинский, Андрей Зубов, Леонид Гозман, Алексей Яблоков, Сергей Ковалев, Марк Урнов, Борис Дубин, Владимир Кара-Мурза-ст., Евгений Цымбал, Александр Рыклин, Игорь Иртеньев, Игорь Яковенко, Мариэтта Чудакова, Константин Азадовский, Лев Гудков, Елена Мовчан, Григорий Амнуэль, Леонид Чубаров, Игорь Глек, Андрей Липский, Владимир Волков, Ашраф Фаттахов, Николай Прокудин, Наталия Никольская, Елена Гришина, Светлана Езерская, Анатолий Вершик, Валентин Журавел, Елена Раскина, Марина Громова, Евгений Калакин, Ирина Богатцева, Александр Оболонский, Валерий Комбаров, Мария Дмитриева, Аркадий Кузнецов, Владимир Рихтер, Владимир Раскин, Владимир Кржевов, Станислав Шипунов, Андрей Збарский, Михаил Лавренов, Алексей Васильев, Эрнст Черный, Сергей Карамов, Елена Боева, Елена Раскина, Борис Соколов, Ирина Ситкова, Елена Букварёва, Нина Дымшиц, Алексей Васильев, Виктор Васильев, Денис Гуцко, Нина Катерли, Екатерина Пригорева, Алла Назимова, Виктор Шейнис, Ирина Левинская, Грета Выборна, Григорий Пасько, Лев Тимофеев, Петр Образцов, Вероника Долина, Игорь Яркевич, Ольга Тимофеева, Сергей Гандлевский, Константин Кедров, Елена Кацюба, Олег Хлебников, Марина Бородицкая, Маргарита Хемлин, Вардван Варжапетян, Елена Чижова, Виктор Есипов, Э. Логвинская, Марина Ашихмина, Валерий Мастюк, Татьяна Ворожейкина, Ефим Хазанов, Марина Давыдова, Юрий Вдовин, Ольга Максакова, Григорий Кружков, Екатерина Гайдамачук, Татьяна Романенко, Анна Дадеко, Александр Филиппенко, Марина Ишимбаева, Макс Армай, Елена Мовчан, Наталья Иванова

Подписать заявление вы можете на сайте «Новой»

Опасные игры киберпатриотов

Версия эксперта в сфере киберпреступности: арест Романа Селезнева — это очередное звено большой игры американской спецслужбы United States Secret Service, цель которой обвинить ФСБ России в организации и крышевании глобальной киберпреступности

Reuters

История с арестом гражданина России Романа Селезнева развивается стремительно. Задержали 30-летнего Селезнева в субботу, 5 июля, в международном аэропорту Мале на Мальдивах. Тут же посадили в частный самолет и переправили на остров Гуам, находящийся под юрисдикцией США.

В понедельник Селезнев был доставлен в Окружной суд Гуама для первичных слушаний, где ему назначили федерального защитника Джона Гормана для подготовки к судебному процессу. Сам процесс, по сообщению Pacific News Center, начнется в Вашингтоне 22 июля.

Во вторник, 8 июля, власти США обнародовали информацию о задержании Селезнева, заявив, что он подозревается во взламывании баз данных торговых сетей и ресторанов США и получении доступа к информации о кредитных картах почти 250 тысяч покупателей.

В этот же день отец задержанного, депутат Госдумы, член фракции ЛДПР Валерий Селезнев обвинил США в похищении сына, а МИД России расценил произошедшее «как очередной недружественный шаг Вашингтона» и предупредил россиян об опасности поездок за рубеж, где их могут похитить спецслужбы США. России «не только не информируют о претензиях, предъявляемых к нашим соотечественникам, даже не уведомляют об их задержании консульские учреждения России», — возмутился МИД России.

В среду представитель Госдепартамента США Джен Псаки на официальном брифинге сообщила, что ей немного известно об аресте россиянина, но она убеждена, что Селезнев не был похищен, и поскольку он находится на Гуаме (территории США), ему будет обеспечен доступ консульских работников — это гарантировано американскими законами. За более подробной информацией Псаки посоветовала журналистам обратиться в министерство юстиции США.

В среду же председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Михаил Федотов заявил, что Совет намерен заняться делом сына депутата Госдумы РФ Валерия Селезнева. «Мы запланировали специальное заседание совместно с Министерством иностранных дел для того, чтобы понять, какова может быть роль гражданского общества в защите российских граждан, которые подвергаются каким-либо ограничениям прав за рубежом», — сообщил Федотов в эфире «Русской службы новостей», подчеркнув, что россиян за рубежом в такомё же положении «сотни, если не тысячи».

СПРАВКА «НОВОЙ»

Министерство внутренней безопасности США идентифицирует Романа Селезнева как известного в хакерском подполье кардера под ником Track2 (*кардер — киберпреступник, специализирующийся на хищении данных кредитных карт.* — **И.М.**). Следствие считает, что Селезнев входил в организованную преступную группировку хакеров из России, известную в компьютерном мире как Operation Open Market. Ордер на арест Селезнева и других участников группировки федеральный суд Вашингтона выдал еще в марте 2011 года. В 2012 году по этому ордеру были арестованы 19 человек, но Роману Селезневу якобы удалось скрыться.

Конкретно против Селезнева выдвинуто обвинение в перепродаже похищенных данных кредитных карт, банковских мошенничествах, умышленном причинении вреда защищенному компьютеру, получении данных из такого компьютера, владении устройствами для незаконного проникновения в Сеть и торговле ими, похищении персональных данных при отягчающих обстоятельствах.

В отношении участников Operation Open Market и Романа Селезнева впервые будет применен закон 1970 года «О коррумпированных организациях, находящихся под влиянием рэкета» (RICO), принятый для борьбы с мафиозными кланами. По предъявленным обвинениям Селезневу грозит до 20 лет тюрьмы.

Подготовил **Ирек МУРТАЗИН**

ФСБ крышует?

«Новой» удалось связаться со специалистом, хорошо информированным и о киберпреступности, и о так называемой группировке Operation Open Market. Наш эксперт на условиях анонимности заявил, что у истории с арестом Романа Селезнева есть второе дно, на которое сегодня не обращают внимания, и напрасно. Эксперт пояснил:

— Есть такая спецслужба USSS — United States Secret Service — это аналог российской ФСО, но в отличие от ФСО, которая занимается охраной высших должностных лиц России, USSS, занимаясь охраной высших должностных лиц США, имеет еще и полномочия по осуществлению финансовой разведки и ведет ее, наверное, лет пятьдесят. Когда появился интернет и киберпреступность, USSS занялась и ею. При этом на территории США, как правило, киберпреступностью занимается ФБР, а USSS занимается этим именно за пределами государства.

Начиная с разоблачения участников форума carderplanet, основал который некто Скрипт (Script), он же Дмитрий Голубев, идет планомерная атака на этот сектор теневой экономики, осуществляемая силами Secret Service. У сотрудников USSS уже выработался свой «фирменный почерк» арестов. Аресты всегда происходят за пределами США и всегда сопряжены с адовой беззаконностью и максимальной провокационностью.

Первый человек, который был арестован по этому направлению деятельности Secret Service, — это украинец Роман Вега, которого считают хакером, работавшим под ником Boa. После первого ареста его были вынуждены отпустить из-за недостатка улик. Второй раз его арестовали на Кипре, откуда не очень законно увезли в США, где он умудрился установить рекорд нахождения в тюрьме без суда. Роман Вега провел в тюрьме десять лет. И только недавно он был осужден.

USSS практически всегда арестовывает людей, которые могли быть интересны СМИ, — детей политиков, например, или тех, кто сам имеет потенциал стать публичной фигурой.

Тот же основатель carderplanet Дмитрий Голубев пять месяцев провел в украинской тюрьме, но по каким-то причинам его не экстрадировали в США, а отпустили. Он создал украинскую интернет-партию и баллотировался на пост президента Украины под именем Дарта Вейдера, не сходя с экранов ТВ. Так вот, Дима Голубев — это человек из той же тусовки, из того же круга общения, что и Роман Селезнев, задержанный на Мальдивах и переправленный в США.

Киберпреступность — явление огромное. И выбор целей атаки на киберпреступников в течение последних лет дает мне основание предположить, что есть какая-то конечная цель, какой-то смысл в том, кого и как арестовывают. В основном арестам подвергаются кардеры. Если почитать первоисточники в США, в том числе и авторитетные СМИ, то становится ясно, что вся цепочка арестов, которые продолжаются уже лет десять, представляется как в СМИ, так и в официальных судебных решениях как разоблачение одной гигантской киберпреступной группы. США всех арестованных успешно позиционирует как членов единой преступной организации. Рано или поздно всех этих людей обвинят в том, что они входили в одну группу, управляемую, например, из Москвы. Уже сегодня американские СМИ много пишут о том, что за десять лет титанической борьбы с киберпреступностью многие члены глобальной кибербанды арестованы, но часть преступников якобы находится в России, чуть ли не под покровительством ФСБ.

Напомню, что Селезнева задержали в рамках операции Target Breach. Это громкая история, когда были взломаны и украдены данные 160 млн кредитных карт, это больше половины кредиток, выпущенных в США. Идеологом киберпреступной банды считается некий Альберто Гонзалес, ставший знаменитым после того, как в суде публично признался, что был информатором Secret Service. Что интересно, арестовали Гонзалеса сотрудники не USSS, а ФБР.

Было бы ошибочным считать, что судьба Романа Селезнева предрешена. Но России в одиночку не вытащить его из американских застенков, надо подключать лоббистские организации. К примеру, Electronic Frontier Foundation (EFF), которая была создана лет двадцать назад на противостоянии с United States Secret Service. EFF не раз доказывала в судах, что USSS превышает свои полномочия. Если кто и сможет вытащить Селезнева из тюрьмы, так это EFF. Понятно, что организация — политизированная и едва ли она будет сильно рада участвовать в этом процессе. Но если к ней обратиться публично, она вряд ли сможет отказать в помощи. А включившись, не сможет себе позволить проиграть.

Как поднимали «Булгарию»

РИА Новости

Спустя три года после крушения теплохода «Булгария», унесшего жизни 122 человек, Московский районный суд города Казани завершил оглашение приговора тем, кого следствие, прокуратура и судья посчитали виновными в гибели людей и судна. Арендатор теплохода Светлана Инякина получила 11 лет лишения свободы, старший помощник капитана Рамиль Хаметов — 6,5 года, чиновники Ространснадзора Ирек Тимергазеев и Владислав Семенов — 6 и 5 лет соответственно, эксперт Речного регистра Яков Ивашов — 5 лет, но по амнистии (Ивашову больше 60 лет) был освобожден прямо в зале суда. Через несколько месяцев, после обжалования во второй инстанции, приговор, скорее всего, вступит в законную силу. Но вопрос, ждать ли нам повторения «Булгарии», — останется.

Когда аукнется «Булгария»

Приговор по уголовному делу о крушении теплохода вышел компромиссным и не ответил ни на один важный вопрос

Сроки лишения свободы получились компромиссными: прокуратура требовала посадить арендатора на 14,5 года, чиновников Ространснадзора — на 8, эксперта Речного регистра — на 7, старпома — на 6 лет и 10 месяцев. Кроме того, все обвиняемые (кроме старпома Хаметова, который во время следствия находился под подпиской о невыезде) уже отсидели в СИЗО около трех лет. Получивший наименьший срок Владислав Семенов выйдет на свободу уже в августе 2016 года (это если не брать во внимание возможность условно-досрочного освобождения).

Компромиссным по сути был и весь суд по «Булгарии», который длился полтора года. Судья Сергей Якунин мирился с недоработками следствия, пытался обстоятельно вести процесс, несмотря на попытки прокуратуры его максимально ускорить, давал возможность делать эмоциональные заявления потерпевшим, удовлетворял ходатайства адвокатов обвиняемых. В общем, действовал максимально аккуратно, но, казалось, иногда давал понять: все вижу, знаю, что на скамье подсудимых частично — не те, и точно — не все, но сделать ничего не могу, извините. После оглашения приговора судья сообщил, что вынес частное представление в отношении председателя Следственного комитета Александра Бастрыкина «в связи с нарушением процессуального закона». Правда, о чем именно идет речь в документе, Якунин не уточнил. Вообще, частных представлений могла бы быть целая пачка (в адрес разных ведомств). И вот почему.

Напомним, дизель-электроход «Булгария» 1955 года постройки затонул 10 июля 2011 года в Куйбышевском водохранилище во время «круиза выходного дня» по маршруту Казань–Болгар–Казань. Еще до выхода из порта пассажиры обратили внимание на крен судна на правый борт. На обратном пути погода резко ухудшилась, поднялся очень сильный ветер, начался ливень. В момент выполнения левого поворота в левый борт ударила сильная волна, налетел «ветровой шквал» и через открытые иллюминаторы по правому борту в трюмы начала заливаться речная вода. За первые 2 минуты в трюмы попало больше 120 тонн. Еще через 3 минуты судно полностью скрылось под водой. Из 201 человека в живых остались 79.

Значительную роль в крушении «Булгарии» сыграли действия экипажа. К таким выводам пришла и комиссия Ространснадзора, и доктор технических наук Андрей Краморенко, который занимался подъемом судна со дна Куйбышевского водохранилища. Незакрытые иллюминаторы (которые по всем правилам должны были задраить), выход из порта, несмотря на плохой погодный прогноз, наконец, эксплуатация технически неисправного судна — без всех этих компонентов трагедия была бы невозможна. Но почему из всех выживших членов экипажа следствие решило привлечь к ответственности только старпома (хотя в момент крушения была даже не его вахта), так и остается загадкой.

Другой и, возможно, еще более важный момент заключается в том, что на «Булгарии», учитывая ее техническое состояние, вообще нельзя было осуществлять пассажирские перевозки в навигацию 2011 года. Однако за несколько месяцев до выхода в рейс судно успешно прошло процедуру технического освидетельствования у эксперта Российского речного регистра Якова Ивашова.

В свой последний рейс судно вышло с огромным количеством неисправностей: не работал левый главный дизель-генератор, были проблемы с запуском левого вспомогательного генератора, не работала осушительная система, аккумуляторные батареи, от которых была запитана аварийная радиостанция, не держали заряд. Топлива в цистернах, которые располагаются по левому борту, было настолько мало, что на обратном пути топливный насос уже не мог его перекачивать, — и члены экипажа вручную переливали горючку из основной цистерны в расходную. Одновременно с этим фекальных вод в емкостях, которые располагаются по правому борту, было, скорее всего, по максимуму, что могло стать одной из причин крена. Другой причиной крена могли стать четыре пробоины по правому борту, обнаруженные в днище судна уже после катастрофы (однако часть экспертов считает, что они могли появиться в процесс подъема «Булгарии» со дна Куйбышевского водохранилища).

РИА Новости

Светлана Инякина, Яков Ивашов, Владислав Семенов (слева направо на втором плане) на заседании Московского районного суда города Казани

Отсюда вопрос: как такое судно вообще могло выйти в рейс? Его еще можно сформулировать иначе: кто должен был не выпустить его в плавание?

Ответа на этот вопрос ни следствие, ни суд найти не смогли.

Точнее, по версии следователей, ответственность за это должна лежать на чиновниках из Ространснадзора — инспекторе Семенове и его начальнике Тимергазеве. Их подписи стоят на акте предлицензионной проверки компании, которая эксплуатировала теплоход. Но этот акт — внутриведомственный документ, предлицензионная проверка — только «репетиция» большой проверки, по итогам которой выдается или не выдается лицензия на пассажирские перевозки — самый главный «разрешительный» документ.

Акт предлицензионной проверки чиновники действительно подписали. А вот сама лицензия так и не была выдана — точнее, арендатор судна Светлана Инякина просто не успевала ее получить до начала навигации и... начала возить пассажиров вообще без разрешительного документа.

Каким образом судно ходило в плавание без лицензии — на этот вопрос ни следствие, ни суд не ответили.

Казанские речники говорили мне, что повторение «Булгарии», к сожалению, это лишь вопрос времени: о трагедии скоро забудут, а системные проблемы — останутся. Дыры в отраслевом законодательстве, старый, изношенный флот (самые новые отечественные круизные речные теплоходы — 1991 года постройки), отсутствие квалифицированных кадров — это касается и экипажей, и контролирующих органов.

Но об этом не очень принято говорить. Потому что решить эти проблемы — несколько сложнее, чем вынести приговор и сделать вид, что в деле «Булгарии» поставлена точка.

Зинаида БУРСКАЯ

kazanfirst.ru

Трудно быть настоящим

Кандидата в Госсовет Татарстана, лауреата премии им. Артема Боровика Сергея Еретнова атаковали двойники, а посадили силовики

За четыре дня до ареста Еретнов подал документы на выдвижение кандидатом в депутаты Госсовета Татарстана. В этот же день документы в избирком принесли еще двое претендентов на депутатский мандат. Оба — безработные. И у обоих оказались паспорта на имя Сергеев Алексеевичей Еретновых. Только даты рождения у этих Еретновых были разные — один оказался 1970 года рождения, второй — 1981-го. При этом оба получили новенькие паспорта в один день — 15 мая 2014 года.

Настоящий Еретнов провел расследование и выяснил, что паспорта его полным тезкам были выданы «в связи с изменением персональных данных». До 15 мая один Еретнов был Халиуллиным, второй — Хохловым.

Когда история с двойниками всплыла, одного из трех Еретновых арестовали — им оказался именно депутат Еретнов (т.е. — настоящий). Уже в ходе первого допроса депутат заявил, что его арест — политически мотивирован. Заместитель руководителя следственного отдела СКР по Набережным Челнам старший лейтенант юстиции Карасев был вынужден записать в протокол слова депутата о мотивах ареста: «...сделано исключительно с целью... не дать мне зарегистрироваться кандидатом в депутаты Госсовета Татарстана».

Копия протокола допроса, как и копия постановления о возбуждении уголовного дела, есть в распоряжении редакции «Новой». И чтение этих процессуальных документов вызывает недоумение. Некоторые подробности.

Постановление о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 210 УК РФ (организация или участие в преступном сообществе) было вынесено набережно-челнинским отделением СКР два месяца назад, 12 мая. В преступное сообщество следствие решило объединить организаторов сети игровых салонов, работавших в городе полуподпольно. Свою работу игровые салоны не афишировали, но и не сильно скрывали. А чего скрывать, если у подозреваемых была хорошая «крыша» в лице начальника отдела полиции Адая Тлеганова, который сегодня тоже подозревается в причастности к преступлению. Всего фигурантами этого громкого уголовного дела стало более десяти человек. Один из них, просидев два месяца в СИЗО, неожиданно «вспомнил», что «крышей» их бизнеса был и депутат Сергей Еретнов.

И весь допрос Еретнова свелся к вопросам о том, знаком ли он с теми, кто сегодня проходит в качестве подозреваемых по данному уголовному делу. Еретнов честно рассказал, что с кем-то он был знаком, встречался, а чьи-то имена слышит впервые.

Еретнов в Набережных Челнах — человек известный. На сессиях городской думы он не раз выступал с резкой критикой мэра города Василя Шахразиева. Кроме того, Еретнов возглавляет антикоррупционную общественную организацию «Комитет Ревизор» и издает газету «Ревизор». Газета эта известна своими резонансными антикоррупционными статьями. За эти публикации в 2008 году Сергей Еретнов был признан лауреатом премии им. Артема Боровика. Понятно, что круг его знакомств — очень обширный. Тем не менее сам факт знакомства Еретнова с участниками преступного сообщества следствие посчитало достаточным, чтобы и самого депутата подозревать в причастности к преступлениям.

Адвокат Юрий Удовенко, защищающий Еретнова, заявил «Новой»:

— И Еретнов, и я были, например, лично знакомы с известными на всю Россию бандитами, лидерами ОПГ «29 квартал» и «тагирьяновские» — Адыганом Саляховым и Эдуардом Тагирьяновым, ныне отбывающими пожизненное заключение. Нам что теперь, благодарить следствие, что нас не посадили вместе с ними?

Удовенко заявил «Новой», что в течение последнего года Еретнов не раз обращался с официальными заявлениями к бывшему начальнику отдела полиции Адаю Тлеганову, в которых указывал места подпольных игровых заведений и требовал их закрытия.

В четверг Сергея Еретнова из изолятора временного содержания доставили в суд для избрания меры пресечения. Следствие заявило ходатайство об аресте и содержании депутата в СИЗО. Суд удовлетворил ходатайство. Выслушав решение суда, Еретнов заявил, что считает себя политическим узником, и объявил голодовку.

Остальные Еретновы — на свободе.

Ирек МУРТАЗИН

Вторжение в сектор Газа будет внезапным

В Израиле ждут начала наземной операции, зачистки территории Газы и ликвидации структуры ХАМАС в палестинском анклаве

Через сутки после начала военной операции «Несокрушимая скала» ракеты из сектора Газа полетели в сторону Иерусалима и Тель-Авива. Сирены раннего предупреждения выли в Герцлии, Кесарии, Беньямине, Квар-Сабе. К границам с Газой стянута тяжелая бронетехника. Правительство объявило о призыве 40 тысяч резервистов. Пресс-секретарь Армии обороны Израиля, капитан Анна УКОЛОВА объяснила, что происходит на юге Израиля.

— Армия наносит массированные удары с воздуха по инфраструктуре ХАМАС. Атакованы более 160 целей террористов, 120 ракетных установок, 10 домов руководителей боевых подразделений ХАМАС.

— Какова вероятность наземной операции? Когда израильские войска войдут в Газу?

— Эти вопросы решаются на самом высоком уровне. Нападение будет внезапным, и о его сроках будет знать узкий круг высокопоставленных должностных лиц. Мы готовимся к любому варианту развития событий. Все будет решаться постепенно. Официальное объявление о сборе военнослужащих запаса не означает, что все 40 тысяч бойцов сконцентрируются у границ и с криком «ура!» пойдут на штурм. Это значит, что правительство приняло политическое решение о предоставлении Армии обороны Израиля возможности усилить свое военное присутствие на территории проведения операции за счет призыва дополнительных войсковых подразделений.

— Какие рода войск задействованы сейчас?

— Авиация, разведка. Повестки разосланы резервистам службы тыла и бойцам войск противовоздушной обороны. На нашей границе стоят и танки, и БТРы. На данный момент развернуты две десантных бригады элитного подразделения «Гивати». Их действия носят оборонительный характер. Больше не могу ничего сказать.

— Перебрасывают ли военные части с севера на юг страны?

— Если понадобится, их задействуют. Командование примет решение, какие силы перекидывать на юг, какие оставить на севере. К сожалению, никогда нельзя быть уверенным, что у нас не будет никаких происшествий на севере — у сирийской, и ливанской границы.

— Что сегодня там происходит?

— По еще неподтвержденным данным, был взрыв минометного снаряда на Голанских высотах.

— Не связано ли начало операции «Несокрушимая скала» с поисками похитителей и убийц трех еврейских подростков?

— Повод для операции в Газе — бомбардировки израильской территории и угроза расширения радиуса обстрелов, что и произошло. Но конечно, служба безопасности ШАБАК собирает информацию о боевиках, о людях, которые принимают участие в терактах, членах террористических организаций. И мы не остановили поиски подозреваемых в похищении. Разведка работает над этим.

— Есть вероятность, что они находятся сейчас в Газе?

— О том, находятся ли они в Газе, я не могу говорить, это информация, которой владеет ШАБАК.

— Армия заявила о расширенной операции, что это значит в вашей терминологии?

— Есть разница между тем, что мы называем операцией, и ответными ударами на обстрел нашей территории. Разница эта в количестве ударов, которые наносят наши ВВС. Пошлой ночью мы нанесли точечные удары по 50 объектам. Основная цель — пусковые ракетные установки, инфраструктура, дома террористов.

— Определены сроки операции?

— Это будет продолжаться до тех пор, пока мы не вернем покой жителям страны.

— В случае вторжения израильских войск ХАМАС грозит похищать и брать в плен израильских солдат. Что будет делать армия в этом случае?

— Наши солдаты знают, как избегать похищений и обезопасить себя. Армия будет защищать солдат и не оставит их без помощи.

Беседовала **Елена ШАФРАН**, Израиль

EPA

Окончание.
Начало — в №№ 65–69, 71, 73

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Хоть святых выноси

Этой публикацией мы завершаем первый отчет «Диссернета» о проделанной работе. Тема обзора — причастность небожителей из ВАК к бизнесу на чужих текстах

В предыдущей серии мы рассказали об экспертных советах Высшей аттестационной комиссии (ЭС ВАК), которые рассматривают жалобы «Диссернета» на фальшивых кандидатов и докторов наук. При этом члены ЭС ВАК часто сами выступают научными руководителями плагиаторов или оппонентами на их защитах. Однако свои собственные работы эксперты фальсифицируют редко. Но бывают и исключения из правил. Некоторые эксперты, например, указывают в списке обязательных научных публикаций несуществующие статьи. У наших клиентов это очень распространенное нарушение.

Но стоит рассказать не только об экспертных советах. Замечательны и *сами члены Высшей аттестационной комиссии и ее президиума*. Например, член президиума ВАК, аудитор Счетной палаты РФ Сергей Агапцов. Он оппонировал на защите некой М.С. Деревянко*, работа которой имеет много общего с диссертацией М.В. Гончаровой. Также он оппонировал Н.М. Бубенчиковой, которая, как мы можем предположить, вдохнула новую жизнь в работу А.А. Кавинова.

Прекрасен также член ВАК, директор Института экономики Уральского отделения РАН, академик и профессор Александр Татаркин. Нет, он не вырастил большого куста плагиаторов. Но будучи научным консультантом соискателя Л.А. Коршунова, он, по крайней мере, не воспрепятствовал превращению его кандидатской работы в докторскую — с помощью добавления к ней инородных фрагментов. Он же в качестве руководителя благословил появление скромного по меркам наших клиентов труда А.Р. Злоченко, в котором всего каких-то 30 страниц имеют необъяснимое для нас, вероятно, «чужое» происхождение.

Член президиума ВАК Владимир Стародубов в качестве руководителя аспирантки Н.Г. Кураковой не помешал, как мы можем предположить, заимствованию доклада Счетной палаты, который Кураковой не принадлежит.

Член ВАК, ректор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов Игорь Максимцев отмечен нами не только как научрук небольшого диссерорезного куста, в котором значатся А.В. Конюхов, использовавший во многом, судя по всему, диссертацию соискателя О.Н. Пережогиной, и Н.И. Щербаков, нашедший достойное применение диссертации некоего Д.В. Каткова. Ректор Максимцев замечателен для нас в первую очередь восемнадцатью многоцветными** работами, защищенными в его вотчине. Среди них — диссертации и известных фигур (губернатор области, ректор академии).

Членом ВАК является и Владимир Александрович Мау, ректор РАНХиГС. К нему нет претензий в качестве научного руководителя или оппонента, однако возглавляемое им учреждение считается местом защиты не менее чем 73 «покрашенных» диссертаций, лежащих у нас на сервере.

Но самое дикое в этой истории — наличие клиентов «Диссернета» среди самих членов ВАК. Пока что их трое. Во-первых, депутат Госдумы Григорий Артемович Балыхин, в чьей диссертации 2004 года обнаружилось 83 страницы, тождественные, как мы можем судить, текстам более ранней работы сотрудника НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Александра Васильевича Федотова и ряда других трудов. Заметим, что у диссертации Федотова и Балыхина — один и тот же оппонент, Е.Н. Жильцов.

В диссертации Балыхина нас особенно умилил скопированный из книги «Экономика знаний» (2003 год) пассаж об оценке опционов по модели Блэка–Шоулза (Black–Scholes), которых Балыхин запросто называет Блеком–Сколесом (зачем-то внося неверную конъектуру в исходно правильный текст книги В.В. Глухова, С.Б. Коробко и Т.В. Марининой). Почему уважаемый депутат решил, что ВАК интересно читать многостраничные выдержки из учебников, изданные под иной обложкой, — нам неизвестно.

Еще один член ВАК — это депутат Госдумы Николай Иванович Булаев, любимец «Диссернета» и один из первых наших клиентов. Со времени первой публикации по нему мы существенно продвинулись в изучении научного наследия господина Булаева. На сегодняшний день нам известно о 119 страницах в его диссертации 2007 года, на которых, на наш взгляд, водятся жирные «тараканы».

Очень советуем нашим читателям не полениться и зайти на сайт «Диссернета», чтобы оценить достоинства диссертации Булаева. В ней вы найдете тончайшую нарезку работ от 1890 (!) до 2006 года. Все эти работы объединяет одно: ни один из их авторов, как мы можем оценить, — не Булаев. Несмотря на тонкость нарезки, в этом винегрете встречаются и цельные инородные куски. Например, это страницы 94–100, удивительно схожие, на наш взгляд, со страницами 325–336 учебника «Конституционное право государств Европы» (2005 год).

И напоследок — эксклюзив, который еще никогда нами не публиковался. Член ВАК Петр Павлович Серков, первый заместитель председателя Верховного суда России, профессор, доктор наук — почтенный и уважаемый юрист, и мы с этим не спорим. Однако 20 страниц его кандидатской диссертации на тему «Смягчающие и отягчающие обстоятельства как средства обеспечения индивидуализации наказания», защищенной в 2003 году, как мы можем предположить, во многом совпадают с работой соискателя Бориса Николаевича Титова («Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), защищенной двумя годами ранее.

И есть ли после этого у неприметной деятельности «Диссернета» по обжалованию фальшивых степеней шанс оказаться успешной? Станут ли удовлетворять наши жалобы персонажи из этих экспертных советов ВАК, самой комиссии и ее президиума, замеченные в выращивании плагиаторских кустов, участии в диссерорезном ремесле, предъявлении несуществующих статей, а иногда и в разведении «тараканов» в собственных работах? В некоторых экспертных советах ВАК диссероделы фактически имеют «контрольный пакет» (примерно 65% в совете по отраслевой и региональной экономике, примерно 50% в совете по экономической теории, 60% в совете по праву). Из инструмента контроля над качеством квалификационных работ ВАК превратился в мощную броню, защищающую от гнева общественности тех, кто эти работы заказывает, организует, выполняет, проводит через диссертационные и экспертные советы. Пока перечисленные экспертные советы, аффилированные с диссеродельными фабриками, продолжают действовать в своем прежнем составе и пока в состав ВАК входят явные любители чужих текстов, уничтожение этого поганого промысла будет оставаться невозможным.

Андрей ЗАЯКИН — специально для «Новой»

** Ссылки на экспертизы «Диссернета» есть на сайте «Новой».*
*** Свои экспертизы «Диссернет» для наглядности публикует в виде раскрашенных постраничных таблиц, где разные цвета соответствуют разным источникам, в которых обнаружились тождественные куски текста.*

ПО ПРАВУ МАТЕРИ

«Запомните этот процесс»

Приговор солдату, который до смерти избил сослуживца, огласили перед всей воинской частью

101-й Оренбургский гарнизонный военный суд в среду, 9 июля, приговорил к 5 годам лишения свободы в колонии общего режима солдата Ивана Кулагина. Он и сам признал свою вину в смерти сослуживца Сергея Лаптева.

«Новая» писала об этом деле в начале июня (см. *№61*). Напомним, солдат-срочник Сергей Лаптев погиб 14 марта 2014 года в воинской части №31524 под Кировом. Согласно материалам дела, Сергей, который в те сутки был дневальным, упрекнул Кулагина за то, что тот «отсутствовал при наведении порядка» в казарме и на улице. За это Кулагин схватил Лаптева и несколько раз ударил его коленом в живот. Сергей потерял сознание, а упав, еще и ударился головой о бетонный пол. Рядовой скончался. Как установила экспертиза — от разрыва стенок желудка и кровопотери. При этом по телефону командир части сказал маме Сергея, что ее сын умер «от остановки сердца». Потом родителям говорили — гастрит...

Рассмотрение дела (заседание прошло «на выезде» — в той самой воинской части №31524) заняло один день — Иван признал «неуставные отношения, повлекшие тяжкие последствия» (ч. 3 ст. 335 УК), очевидцы подтвердили суду свои показания, данные на предварительном следствии, и у сторон не было сомнений в случившемся. Интересы родителей и сестры Сергея представлял фонд «Право матери». Военная прокуратура просила для Кулагина 6 лет, юрист фонда — максимальные 10 лет, а защитник подсудимого — наказание, не связанное с лишением свободы.

Примечательно, что приговор был зачитан в актовом зале, где собрали весь личный состав этой воинской части. А после оглашения приговора к солдатам обратился представитель военной прокуратуры Сергей Григорьев. «Семья не дождется Сергея Лаптева со службы, а родители негодяя, от действий которого погиб Сергей, не увидят его ближайшие несколько лет», — сказал он военнослужащим, призвал их запомнить этот судебный процесс и не допускать подобного в будущем.

Никита ГИРИН

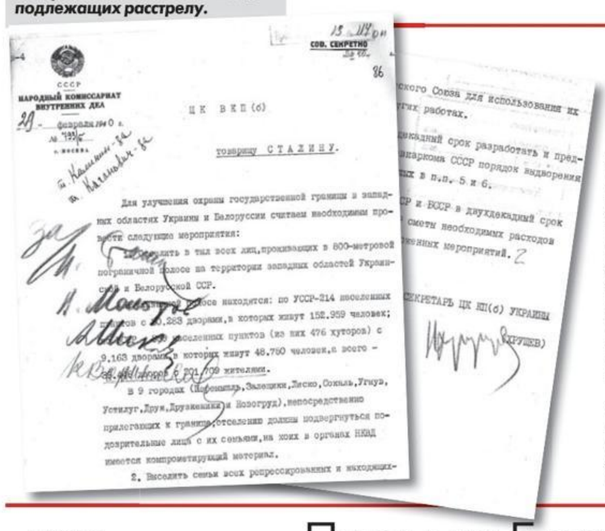
Правда ГУЛАГа

Когда решили ликвидировать 22 тысячи поляков

Историческое открытие: найдено письмо Берии и Хрущева Сталину от 29 февраля 1940 года о высылке на Север 22—25 тысяч семей поляков, «подлежащих» расстрелу

На днях в РГАСПИ среди «совершенно секретных» материалов Политбюро ЦК ВКП(б) научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Н.С. Лебедева обнаружила письмо Л.П. Берии и Н.С. Хрущева И.В. Сталину, датированное 29 февраля, под №793/б. Номер же письма Берии Сталину относительно расстрела польских офицеров, полицейских и узников тюрем — 794/б. Появилась возможность ответить на вопрос, когда был составлен первый вариант рокового решения о ликвидации около 22 тысяч поляков.

И еще. На известном, окончательном, варианте письма Берии нет точной даты, только месяц — март. Это служило зацепкой для сталинистов, желающих подвергнуть сомнению его подлинность и далее — отрицать сам факт расстрела поляков советским НКВД. Теперь никаких «зацепок» у них не остается: в тот же день, что и первый вариант «расстрельного» письма, было зарегистрировано письмо Берии и Хрущева Сталину о необходимости высылки на Север 22—25 тысяч семей всех, подлежащих расстрелу.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ЦК ВКП(б)

товарищу СТАЛИНУ.

Для улучшения охраны государственной границы в западных областях Украины и Белоруссии считаем необходимым провести следующие мероприятия:

1. Отселить в тыл всех лиц, проживающих в 800-метровой пограничной полосе на территории западных областей Украинской и Белорусской ССР. <...>

2. Выселить семьи всех репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов и крупных чиновников высшего польского государственного аппарата, которых ориентировочно насчитывается: семей офицеров — 9600, полицейских, жандармов и тюремщиков — 12 000, бывш. помещиков, фабрикантов и крупных чиновников — 1000, всего 22–25 тысяч семей.

2 — в (*вписано от руки.* — **Прим. ред.**) 3. Выселить всех проституток, которые были зарегистрированы в органах бывш. польской полиции и ныне продолжают заниматься проституцией, которых насчитывается 5–6 тысяч человек.

4. Запретить проживание в 100-километровой пограничной полосе беженцам, которые приехали в указанную полосу после начала военных действий в Польше (сентябрь 1939 год) и изъявили желание остаться на территории Советского Союза.

Напомним хронику связанных с этим событий. 1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу. 17 сентября ее границу перешли части Красной армии. В плен были взяты 250 тысяч человек. Вскоре рядовые и младшие командиры были распущены по домам или переданы Германии. К ноябрю в советском плену остались 40 тысяч поляков. Около 8,5 тысячи офицеров содержались в Козельском и Старобельском лагерях; 6,5 тысячи полицейских и тюремщиков — в Осташковском. Направленные туда работники центрального аппарата НКВД СССР установили, что поляки не смирились с разделом своей страны и готовы бороться за восстановление ее независимости.

В начале декабря 1939 года в Осташковский лагерь была послана новая следственная бригада во главе с Белолипецким. Ей поручалось к концу января оформить следственные дела и обвинительные заключения на весь контингент для представления на Особое совещание (ОСО) НКВД СССР. Правом приговаривать к высшей мере наказания до ноября 1941 года этот орган не обладал.

1 февраля 1940 года находящиеся в Осташкове начальник Управления по делам военнопленных (УПВ) НКВД СССР Петр Сопруненко и Степан Белолипецкий сообщили Лаврентию Берии: «Следствие [по] бывшим польским полицейским, содержащимся [в] Осташковском лагере, закончено; оформлено 6 тысяч 50 дел. Приступили [к] отправке дел [на] особ[ое] совещание. Отправку закончим 8 февраля. Необходимые для следствия мероприятия закончены». К концу февраля ОСО уже рассмотрело 600 дел полицейских и вынесло им приговоры — 3–5–8 лет заключения в исправительно-трудовом лагере. В Москве было проведено совещание, на котором обсуждался вопрос о порядке отправки военнопленных в Северный дальневосточный лагерь. Дела же офицеров из Козельского и Старобельского лагерей не готовили даже для передачи на ОСО.

Однако в конце февраля ситуация на присоединенных к СССР территориях вновь привлекла внимание сталинского руководства к проблеме польских узников. 20 февраля Сопруненко обратился к Берии с предложением распустить по домам около 700 офицеров — стариков и инвалидов. В то же время он испрашивал разрешение оформить и передать на рассмотрение ОСО дела на 400–500 офицеров. На его письме резолюция Берии: «Тов. Меркулов. Переговорите со мной». В результате 22 февраля первый зам. наркома отдал приказ перевести в тюрьмы всех содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях бывших тюремщиков, разведчиков, осадников, судебных работников, помещиков, торговцев и крупных собственников. **В нем не упоминалось Особое совещание и подчеркивалось, что «о порядке дальнейшего направления этих дел указания будут даны дополнительно».**

В конце февраля начальник особого отделения Осташковского лагеря Григорий Корытов информировал зам. начальника Управления НКВД (УНКВД) по Калининской области Василия Павлова, что Берия приостановил рассмотрение дел осташковских военнопленных Особым совещанием.

По всей видимости, нарком решил обсудить участь узников трех спецлагерей со Сталиным. Он встретился с ним 27 февраля. А 29 февраля появляются два документа, адресованные вождю: публикуемое здесь письмо Берии и Хрущева Сталину за №793/б об охране государственной границы в западных областях Украины и Белоруссии и записка наркома Сталину за №794/б об участи 14 700 польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников, тюремщиков, содержащихся в трех спецлагерях, и 11 тысяч человек, арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии.

После обнаружения письма Берии и Хрущева от 29 февраля за №793/б становится очевидным, что первый вариант письма Берии Сталину за № 794/б мог быть написан не ранее 29 февраля. Он не мог быть написан и позднее, поскольку документы №795/б и 796/б, по свидетельству начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ В.С. Христофорова, также датированы 29 февраля.

По письму Берии и Хрущева №793/б рукой Сталина сформулировано решение Политбюро, которое было утверждено 2 марта как пункт 114 протокола 13 «Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР». При этом внесенная вождем правка в предложенный Берией и Хрущевым текст решения минимальна: в качестве подпункта «2 в» вставлено положение о выселении всех проституток. Решение от 2 марта было опубликовано.

Номер 794/б сохранился и на доработанном варианте письма Берии Сталину, на котором не проставлено число, но впечатан месяц — март. Сопоставление сведений, содержащихся в справках о наличии в лагерях различных категорий военнопленных от 2 и 3 марта, позволяет сделать вывод, что последний вариант записки Берии о расстреле поляков составлен не ранее 3 марта. Он не мог появиться и позднее 5 марта, когда было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле. Сам же процесс выработки преступного решения можно ограничить периодом 20 февраля — 5 марта 1940 года.

В письме, датированном мартом, Берия обосновывал необходимость расстрела военнопленных и заключенных тюрем тем, что все они являются заклятыми врагами советской власти. «Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти», — подчеркивал нарком. Возможность же активно включиться в борьбу против советской власти могла представиться только в случае глобальной войны — войны СССР с Великобританией и Францией. Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, тюремщиков, осадников и 11 000 человек, арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии «членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков» предлагалось рассмотреть **«в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела»**. Рассмотрение дел и вынесение решения возлагалось на тройку в составе Берии, Меркулова и начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР Леонида Баштакова. Сталин вычеркнул фамилию Берии и добавил Богдана Кобулова.

Военная прокуратура, получив в 1990–1991 годах однозначные заключения от нескольких независимых экспертов, признала все подписи на этом документе подлинными.

Подготовка операции по расстрелу поляков из Козельского, Старобельского, Осташковского лагерей и узников тюрем западных областей Украины и Белоруссии началась сразу после решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. 7 марта Берия приказал наркомам внутренних дел УССР и БССР Ивану Серову и Лаврентию Цанаве подготовиться к депортации в Северный Казахстан 25 тысяч семей тех, кого было решено расстрелять. **Именно пункт о выселении этих семей был главным в публикуемом письме Берии и Хрущева Сталину от 29 февраля 1940 года. 13 апреля в Северный Казахстан были депортированы 66 тысяч человек — женщин, стариков и детей.** Они оказались в крайне тяжелых условиях, зачастую не имея ни жилья, ни работы.

Списки-предписания на отправку из лагерей в распоряжение УНКВД Смоленской, Калининской и Харьковской областей направлялись в Козельский, Старобельский и Осташковский лагеря. Предписания о расстреле, подписанные Меркуловым, адресовались начальникам УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Был централизован и расстрел заключенных, которых свезли в тюрьмы Минска, Киева, Харькова и Херсона. Предварительно эти тюрьмы освобождали от других узников, которых отправляли в лагеря ГУЛАГа.

Первые списки на отправку военнопленных на расстрел начали поступать в лагеря 3–5 апреля, в тюрьмы — 20–23 апреля. В них были включены 97% всех офицеров и полицейских, содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях. Речь шла не о том, кого расстрелять, а кому следует сохранить по той или иной причине жизнь, включив в список на отправку в Юхновский лагерь. Последние военнопленные были вывезены из трех спецлагерей к концу мая. Расстрел узников тюрем продолжался до начала июля.

В конце мая в лагерь ГУЛАГа на строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали были отправлены 8 тысяч польских военнопленных — рядовых и унтер-офицеров. Условия жизни там были крайне тяжелыми.

Более полувека первые лица советского государства и КПСС тщательно скрывали правду о катынском злодеянии. Всякое упоминание о нем изымалось из исторических трудов и энциклопедий. Зато из почти тысячи действительно уничтоженных фашистами белорусских деревень для постройки мемориала выбрали селение с близким названием — Хатынь.

Лишь 13 апреля 1990 года после публикации в «Московских новостях» нашей беседы с Геннадием Жаворонковым было опубликовано «Заявление ТАСС», где ответственность за катынское злодеяние возлагалась на Берию, Меркулова и их подручных.

В апреле 2010 года, в связи с 70-летием расстрела польских офицеров и полицейских, в Катыни было проведено официальное траурное собрание с участием президента РФ В.В. Путина, премьер-министра Дональда Туска, родных и потомков расстрелянных, членов Российско-польской комиссии по сложным вопросам. К несчастью, попытка повторно провести это траурное действо 10 апреля обернулась трагедией — крушением самолета и гибелью всех находившихся в нем лиц, включая президента Польши Леха Качинского.

26 ноября 2010 года Государственная дума Федерального собрания РФ приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах». В нем, в частности, констатировалось, что лишь в начале 90-х годов в нашей стране были совершены «важные шаги на пути к установлению истины в Катынской трагедии. Было признано, что массовое уничтожение польских граждан на территории СССР во время Второй мировой войны стало актом произвола тоталитарного государства, подвергшего репрессиям также сотни тысяч советских людей за политические и религиозные убеждения, по социальным и иным признакам. Опубликованные материалы, многие годы хранившиеся в секретных архивах, не только раскрывают масштабы этой страшной трагедии, но и свидетельствуют, что Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей».

Наталья ЛЕБЕДЕВА

Катынь. Члены комиссии Николая Бурденко на месте эксгумации расстрелянных поляков

РИА Новости

Письмо Берии и Хрущева Сталину

ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину

Для улучшения охраны государственной границы в западных областях Украины и Белоруссии считаем необходимым провести следующие мероприятия:

1. Отселить в тыл всех лиц, проживающих в 800-метровой пограничной полосе на территории западных областей Украинской и Белорусской ССР.

Просим Ваших решений:

Обязать Совнаркомы УССР и БССР в двухмесячный срок:

а) произвести отселение жителей из 800-метровой погранполосы, за исключением городов Перемышль, Залещики, Лиско, Угнув, Сокаль, Устилуг, Друя, Друскеники и Новогруд;

б) отселение из 800-метровой полосы жителей городов, перечисленных в пункте «а», произвести по материалам НКВД УССР и БССР;

в) очистить 800-метровую погранполосу от всяких построек, принадлежащих отселяемым жителям.

2. Предложить НКВД СССР:

а) к 15 апреля т.г. произвести выселение в районы Казахской ССР сроком на 10 лет всех семей репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных бывш. офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывш. помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывш. польского государственного аппарата в количестве 22–25 тысяч семейств;

б) наиболее злостных из числа членов семей, подлежащих выселению, в отношении которых органы НКВД располагают материалами об их антисоветской работе в прошлом или настоящем, подвергнуть аресту с последующим оформлением их дел для рассмотрения на Особом совещании при НКВД СССР;

(*Вставка в) с предыдущей стр.* — **Прим. ред.**)

г) (*исправлено, было в*) — **Прим. ред.**) в двухдекадный срок разработать и представить на утверждение Совнаркома СССР порядок выселения указанных в пункте «а» семейств.

3. Установить, что недвижимое имущество и торгово-промышленные предприятия выселяемых семей, перечисленных в пункте 2, подлежат конфискации, а все остальное имущество выселяемых последние имеют право или реализовать, или взять с собой к месту выселения не свыше 100 килограммов на каждого члена семьи.

4. Все освобожденные после выселения жилые и хозяйственные помещения передать в ведение местных советских органов, а Совнаркомам УССР и БССР проследить за тем, чтобы была обеспечена их сохранность и должное использование в первую очередь для расселения военнослужащих РККА, партийно-советских работников, командированных для работы в западные области Украины и Белоруссии.

5. Лицам (беженцам), которые прибыли на территорию западных областей Украины и Белоруссии после начала военных действий в Польше (сентябрь 1939 года) и изъявили желание остаться на территории Советского Союза, запретить проживание сроком на 5 лет в 100-километровой пограничной полосе. В процессе паспортизации выдать этой категории граждан паспорта с соответствующими отметками.

6. Предложить НКВД СССР беженцев, изъявивших желание выехать из пределов Советского Союза на территорию, ныне занятую немцами, и не принятых германским правительством в течение месячного срока, в соответствии с имеющимся соглашением, выслать из западных областей Украины и Белоруссии в северные районы Советского Союза для использования их на лесоразработках и других работах.

7. НКВД СССР в двухдекадный срок разработать и представить на утверждение Совнаркома СССР порядок выдворения и высылки беженцев, указанных в п.п. 5 и 6.

8. НКВД СССР и СНК УССР и БССР в двухдекадный срок представить Совнаркому СССР сметы необходимых расходов, связанных с проведением изложенных мероприятий.

Об авторе. **Лебедева Наталья Сергеевна** после окончания Московского государственного историко-архивного института, где ее научным руководителем был д.и.н. С.О. Шмидт, работала в Институте истории АН СССР, после разделения института — в Институте всеобщей истории АН СССР (РАН). В настоящее время ведущий научный сотрудник Сектора международных отношений ИВИ РАН. В 1970 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Предыстория Нюрнбергского процесса», в 1996 году Лодзинский университет (Польша) присвоил ей ученую степень доктора в области всеобщей истории.

Является членом редакционных советов серий «Россия. XX век. Документы» Международного фонда «Демократия» (Фонда Александра Н. Яковлева), Йельского университета «Анналы коммунизма» (Annals of Communism, Yale University Press) и редколлегии польского журнала «Пшеланд Всходни» (Przeglad Wschodni).

Лауреат XXII Всесоюзного конкурса на лучшие научно-популярные произведения (1987 г.), была удостоена премии имени В. Печака (Варшава, декабрь 1990 г.), лауреат журнала «Международная жизнь» (1997 г.). За участие в подготовке 12-томной «Истории Второй мировой войны» была награждена медалью «*За трудовую доблесть*» (1983).

Автор монографий: «Подготовка Нюрнбергского процесса» (М., 1975), «Безоговорочная капитуляция агрессоров» (М., 1989), «Катынь: преступление против человечества» (М., 1994; М., 1996).

Спецвыпуск «Правда ГУЛАГа» публикуется при поддержке фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» и Международного фонда социально-экономических и политологических исследований М.С. Горбачева

Очень хрупкий город

Жителям Спирова без бутылки не разобраться, но их волнует не ее содержимое

Сотрудники «Индустрии»: второй справа — Андрей Абрамов, третий — Владимир Нейменов

...На заводе делали бутылку. Водочную, коньячную, пивную. Бордо, Славянское застолье, Империал, Казёнка, Позёмка, Царёвка, Государев заказ... На самом деле это много-много бутылок, но заводчане мыслят единственным числом — Бутылка. Она — их копейка, их пища. Им много не надо, много у них никогда и не было.

Спировский стекольный завод «Индустрия», который кормит весь поселок и на котором в каждой семье кто-то работал или работает сейчас, простаивает уже девять месяцев. Сейчас на входе стоят мужики — с заявлениями «по собственному желанию». Они ждали полгода, что завод тронется и выдадут наконец зарплату с декабря. Из 400 заводских только чуть больше половины написали заявления. И даже те оговариваются: «Ну, если что, вернемся. А кому мы еще нужны?» В Спирове работа — только на железной дороге и в магазине. Редкие счастливчики нашли халтуру по специальности: ездят на недельные вахты на Дмитровский стеклозавод. Еще специалисты из химлаборатории сменили халаты на красные жилеты первого в поселке супермаркета «Тройка».

Единственный, кому нашлось применение на заводе, — работник составного цеха Миша. Он теперь охраняет замершие механизмы от варваров. Знают: если оставить без присмотра — тут же растащат на металлолом.

Миша был свидетелем остановки завода — 30 октября 2013 года. В стекловаренной печи образовалась дыра, раскаленное жидкое стекло полилось из нее, сжигая на своем пути все, кроме железа и бетона. Он описывает это, как извержение вулкана. Его рабочее место вместо цеха теперь — небольшая каморка, на стене стихи: «Я согласен — и впредь не платите, / Пусть шатает меня на ходу, / Не давайте житья, не кормите, / Все равно на работу приду.../ Я не вру вам, имейте в виду, / Если «вход» для меня будет платным, / Я «в кредит» на работу приду». На тумбочке — трехлитровая банка с заваркой («Будешь голый, без ничего? Купеческой крепости!»), а под кушеткой «гуманитарная помощь» семьям заводских — мука, макароны, крупа, что выдала администрация поселка.

Миша на страже, оборудование-то новое. В 2011 году завод купила Орехово-Зуевская стекольная компания, уже владевшая заводами в Подмосковье и Йошкар-Оле. Взяли двухмиллиардный кредит в Сбербанке, спировскому заводу построили новый цех (обошелся, по словам работников, не больше чем в 10 миллионов). Его так и не запустили, сейчас зияющую дыру входа в цех прикрыли занавесом из мешковины, на землю положили моток колючей проволоки.

— Дальнейшее содержание не представляется возможным. Должен же я что-то предпринять, — будто оправдывается Андрей Абрамов. Он исполняет обязанности генерального директора. — Долг по зарплате — 23 миллиона. Деньги достать я не могу, так хотя бы людей предупрежу.

Андрей высокий, худой, в черной водолазке и аккуратных очках. Он аккуратен и в словах: «Вы уедете, а мне еще здесь работать, политику вести». Он не виноват в отсутствии денег, но чувствует свою вину перед заводскими. До остановки работал здесь экономистом, работали на заводе и его родители.

Связи с руководством Орехово-Зуевской стекольной компании практически нет, они не извещают нынешнего исполняющего обязанности директора о перспективах погашения долга. Но буквально на днях подтвердили: разрешаем выдавать извещения о сокращении. То есть если завод до сентября не запустится (а только печь чинить в лучшем случае пару месяцев), и остальные двести лишатся места.

Андрей ведет меня на обездвиженный завод. В цехах, где должна стоять невыносимая жара от печей, сейчас безжизненно холодно. Как иней, лежит на конвейерах пыль-шихта — смесь песка, соды, полевого шпата, известняка, из которой делают стекло. С завода по конвейеру выходит бракованная бутылка, она измельчается в «бункере» и высыпается на улицу. Образуется стеклобой. Мы топчемся на осколках, и я думаю, что спировчане — как стеклобой, принадлежат этой земле — не вывезешь. Андрей смотрит на искусственные стеклянные насыпи вдали. «Это часть моей родины... Так, что ли?» — удивляется он своей мысли.

В марте у посеребренного памятника Ленину собрался митинг. «Протесты, которые прошли на Болотной площади, — это не те протесты! Вот когда поднимается глухая провинция — это уже серьезно. Если поднялся наш маленький район, который всегда голосовал за того, кого укажут власти, — вот это уже серьезно. Боюсь, что последствия могут быть непредсказуемыми, если власть не найдет управы на это ворье и жулье из Орехово-Зуева», — такие вот раздавались речи.

Глава поселка Олег Локотош вышел к памятнику в черных очках и сказал, что его тоже обманули, бюджет недополучил 20 миллионов за год. Губернатор области, как его ни ждали, не приехал.

Вот и все. А куда еще идти? Тот первый митинг очень подкосил спировчан. Протестный потенциал вскоре выдохся. Они слишком спокойные, характеры у них обтекаемые, как их бутылки. И город низкорослый, с деревянными косыми уютными домами. Потребителей продукции, для которой они делали тару, я в городе не встретила. «Может, кто и пил бы, да есть нечего», — объясняют незлобиво.

Поначалу все, что происходит в Спирове — а здесь так мало всего происходит, — показалось мне равнодушием и усталостью. А оказалось — это и есть их способ борьбы — надежда. Теперь у надежды появился срок годности (до сентября), но от этого меньше ее не стало.

Спирово строилось сто лет назад вокруг завода, который сначала делал плафоны для железнодорожных станций. Вся жизнь была сосредоточена на заводе — клуб, детский сад, теплицы, ферма.

На завод впервые за полгода зашел Владимир Евгеньевич Нейменов.

— Поселок без завода — это мертвая душа. Идешь по главной улице поселка — тоска зеленая. Завод — это генератор поселка. Нельзя его оставлять! Но пока собственник не решит — ничего не будет. Мы будем колотиться, биться — и ничего. Вы даже не знаете, кто у вас собственник.

Нейменов уволился, как только сюда пришли хозяйствовать из Орехово-Зуева. «Я почему и написал заявление: по левой стороне иду — подвесная стена горит, ну, думаю, дальше пойдет — свод рухнет. А мне начальство говорит: мы сейчас красную ленту дадим, оцепить, чтобы люди не ходили. Я и думаю: Володя, надо валить, а то крайним сделают».

По его трудовой книжке восстанавливаем историю завода последних десятилетий.

— В 1994-м, когда вся Россия рушилась, мы заменили машинную линию — чешскую поставили. И мы как с вами, господа, повышали зарплату? Вся страна шумела-кипела, касками стучала, а у нас ассортимент влет уходил, — вспоминает он. — Даже когда Горбачев стал бороться с пьянством, нам пришлось перейти на молочную банку, мы и то устояли!

И Нейменов не живет без этой типично спировской надежды. Он убеждает, что приход нового инвестора на завод ближе, чем кажется, и говорит, что подумает о возвращении.

> «Потребителей продукции, для которой они делали тару, я в городе не встретила. «Может, кто и пил бы, да есть нечего», — объясняют незлобиво

Подписывать уведомление о сокращении приходят две Тани — контролеры качества.

— Я не очень грамотная, но как это нельзя привлечь руководство — у него есть недвижимость — раз, продать! — говорит Таня-старшая — Алексевна, но подписывает свое уведомление. Говорит с невозмутимым видом, словом рубанет — не поднимая голоса.

Таня-младшая отмеряет время на заводе по семейным событиям — неразрывно связаны эти две плоскости ее жизни. На предыдущем холодном ремонте печи познакомилась с первым мужем. Новый собственник пришел, когда Таня родила Лешку. Вышла из декрета — поставили новую печь. Это был 2006-й. С тех пор печь и не ремонтировали. А Лешке уже одиннадцать.

Для них печь — живое существо, переживающее стресс, когда ее переналаживают с выпуска прозрачной бутылки на выпуск оливковой. А деревня — существо уже какое-то увядающее. «Как те мамонты вымерли, так и мы, ё-мое», — говорит Алексевна.

Обе они убеждают, что весь завод знал: скоро печь прорвет. Их не слушали, новый хозяин устроил на завод специалистов со стороны — то есть не местных.

— Все частники нам говорили — вы работаете в убыток. Да вам бы тогда миллиардные кредиты под завод не давали! Они думают, мы тут вообще ничего не понимаем, деревня. Неасфальтированная!

Алексевну и ее сотрудниц уже после остановки завода руководство гоняло на завод в Орехово-Зуево. Получилось, что за свой счет — за 5 рабочих дней по 12 часов заплатили полторы тысячи.

— В последний день мы стояли ждали автобус. «Гастарбайтеры уехали или нет?» — разговаривали проходящие мимо женщины. Я чуть не упала! Пока я соображала, что это про нас говорят, эта парочка уже прошла. Потом подумала — да, в общем, они и правы. Захиреет наше Спирово. Мне тут выражение понравилось: в нашем Спирове остались одни дачники и неудачники. Вроде так и обидно немножко, а чё, правда ведь.

Вместо эпилога

Спирово дошло до точки. Город живет одной надеждой — такое уже случалось десять лет назад, после банкротства и смены собственника завод запустился, хотя и стоял полтора года. А сейчас — всего-то девять месяцев стоит, и этот факт питает спировчан оптимизмом. Похоже, я тоже заразилась этой спировской надеждой. И пытаюсь понять, есть ли шансы у «Индустрии».

Удалось связаться с генеральным директором «Орехово-Зуевской стекольной компании» Александром Мощицким. Он ответил однозначно: работа по привлечению инвестиций для запуска предприятия и выплаты задолженностей ведется. Вопрос о закрытии предприятия пока не стоит.

Известно, что готов вмешаться губернатор области, если нынешний владелец и потенциальный инвестор придут к соглашению. Раньше на совещания, куда их приглашали, оба не приезжали. Сейчас же Мощицкий заверил меня, что переговоры вошли в интенсивную фазу и в ближайшее время можно будет говорить о перспективах запуска. Нынешнее положение не в интересах компании: в стекольной отрасли даже от простаивающего завода огромные затраты. Александр Викторович не стал посвящать меня в детали переговоров с инвесторами в силу их конфиденциальности, мы договорились о встрече в ближайшее время — когда будет известен их результат. Звоню через неделю.

Пока скажу осторожно: у завода есть возможность выжить.

Екатерина ФОМИНА,
спец. корр. «Новой»,
Спирово, Тверская область
Фото автора

СПРАВКА «НОВОЙ»

Спировский стекольный завод «Индустрия»

Образован в 1880 году купцом Кругловым. Сначала на заводе выпускали ламповое стекло, потом аптечную тару. С 1925 года называется «Индустрия» (ударение на второй слог). На бесцветную водочную бутылку перешли в 1973 году. В 1993-м «Индустрия» становится акционерным обществом. А в 1999 году банкротилась. Компания «Глас Империал» выкупает недвижимость и земельный участок под предприятием, устанавливает 300-тонную стекловаренную печь (ту самую, которая протечет).

Ассортимент расширяется до цветной — коричневой, оливковой, зеленой — бутылки. Это привлекает новых потребителей, тару начинает закупать пивоваренная компания «Балтика». В 2008 году спрос падает, из-за этого снижают объемы выпуска, накапливаются долги по электричеству и газу, сокращают персонал. Через два года ситуацию удается разрешить и даже отгрузить продукцию, хранящуюся на складе.

В 2011 году завод купила ЗАО «Орехово-Зуевская стекольная компания», начинается строительство нового цеха. Но годовой выпуск в сравнении с 2010 годом падает на 18 миллионов бутылок, оборот снижается почти в два раза. Руководство связывало это с падением спроса на алкогольную продукцию и повышением акцизных сборов.

В октябре 2013 года происходит авария на основной печи. Завод останавливает производство, зарплату работникам перестают выплачивать. Генеральный директор уволился 3 марта. На ремонт печи требуется 10 миллионов рублей. Долг компании составляет 2 миллиарда рублей, имущество завода в данный момент перешло в качестве залога к Сбербанку.

В Спирове есть еще один стекольный завод — филиал ООО «ВИП-Гласс», на нем тоже случаются перебои.

Стекольное производство составляет 80% промышленности района.

Стенд стекольного завода в местном краеведческом музее

«Боже упаси, мы не знали, что он корреспондент»

Зачем полицейские ночью ломились в квартиру журналиста «Новой газеты»?

Вечером 9 июля в квартиру заместителя главного редактора «Новой газеты в Петербурге» Андрея Воронина ломились полицейские, грозили арестом и обещали выломать дверь. Сегодня выяснилось: таким оригинальным способом правоохранители пытались пригласить журналиста в отдел даже не для дачи показаний, а для сбора объяснений. Абсурдности ситуации добавляет тот факт, что поводом для визита полицейских стал трактор, сгоревший на стройплощадке на ул. Лени Голикова в ночь с 8 на 9 июля.

Историю противостояния жителей Ульянки, которые пытаются остановить незаконную засыпку пруда застройщиком «Воин-В», Андрей Воронин уже рассказывал в материале «Уплотнительная реновация», который был опубликован на сайте «Новой газеты в Петербурге» 7 июля. Граждане опасаются, что из-за соседней стройки их дома могут рухнуть, и активно протестуют. 6 июля конфликт жителей и застройщика закончился потасовкой: мужчин, пытавшихся встать на пути строительной техники, рабочие силой вытолкали с площадки.

8 июля конфликт перешел в новую фазу — на стройплощадке, огороженной забором, загорелся трактор. Местные жители рассказали «Новой», что слышали взрывы. Информация об этом была опубликована на сайте издания вместе с фотографиями и видео, которые передали редакции очевидцы. Материал заканчивался фразой: «В обстоятельствах произошедшего еще предстоит разобраться полиции». Но разобраться решили с журналистом, который о конфликте и рассказал.

9 июля в 21.30 у квартиры Воронина появился участковый, который настойчиво требовал открыть дверь. Журналист отказался. Спустя полчаса появился наряд полицейских, представившихся сотрудниками уголовного розыска. Мужчины в форме вели себя агрессивно, грозили арестом и обещали вырезать дверь в случае неповиновения. Полицейские так и не смогли объяснить Воронину, зачем они штурмуют его квартиру. Позже, правда, выяснилось, что речь идет о сгоревшем тракторе и приводе Воронина в отдел полиции. В каком статусе и зачем — полицейские объяснить тоже не смогли.

Тем не менее в телефонном разговоре «по свежим следам» с редактором «Новой газеты в Петербурге» Дианой Качаловой руководитель оперативного подразделения 8-го отдела полиции Кировского района Виталий Мироненков сформулировал четко: журналиста подозревают в причастности к поджогу трактора.

— Почему в дверь нашего корреспондента ломятся? — спросила Диана Качалова.

— Ну ломятся... Просто постучались.

— А почему такая срочность? Он что, убил кого-то?

— Нет, слава богу. Но тем не менее подозревается в совершении преступления.

— Ночь вообще-то. Что до утра-то не подождать?

— Мы и будем ждать до утра. У нас другого выбора нет.

— У него под дверью?

— Да. Без него мы не можем проверить свою информацию.

— Так вы хотите проверить информацию или подозреваете его в совершении преступления?

— Подозреваем.

— Может, у вас есть претензии по какому-то из его материалов?

— Боже упаси, боже упаси... нет. Мы не знали, что он является корреспондентом.

Удалось настоять на том, чтобы дачу объяснений перенесли на следующий день — Воронину предстояло явиться в отдел 10 июля в 9 утра. Общение журналиста с правоохранителями продолжалось полтора часа. Полицейские вели себя так, словно накануне они не бились в дверь квартиры и не грозились ее выломать. О задержании или аресте разговора уже не было. «По требованию полицейских я во всех подробностях рассказал, чем занимался с пятницы по среду», — сообщил журналист. Андрей Воронин намерен в ближайшие дни подать заявление в полицию по факту противоправных действий ее сотрудников.

Вопросы «Новой газеты» начальник отдела Виталий Мироненков переадресовал в пресс-службу ГУ МВД по Петербургу. Там сообщили: опрос Воронина был проведен в рамках проверки по факту возгорания трактора. Проверка же проводится по заявлению владельца техники, решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Сотрудник пресс-службы Эльмар Шахерзаев так объяснил ситуацию:

— Подняли видео... людей опрашивают. Потому что на видео видно — был поджог. Никто Воронина не подозревает.

Угрозы арестовать журналиста Шахерзаев комментировать не стал.

Алиса КУСТИКОВА,
«Новая газета в Петербурге»

Горящий трактор на ул. Лени Голикова

Reuters

«Во время нашей акции секьюрити залазили под колокол, чтобы достать активисток», — говорит Инна Шевченко, лидер французского отделения Femen. 9 июля 2014 года коррекционный суд Парижа[1] пытался разобраться не только с тем, кто и куда «залазил» 12 февраля 2013 года, но и с тем, кто и что повредил. Главным пострадавшим признан колокол «Марсель»: его, говорит обвинение, поцарапали во время акции. И теперь «Марсель», в который страстно барабанили Femen, звонит по ним самим.

Репортаж с «процесса века»: Нотр-Дам против Femen

«И когда мы дотрагивались к этим колоколам...»

Колокол стал единственным предметом, за который обвинение смогло зацепиться, чтобы наказать девятерых участниц «сексгремистского движения» за то, что они делали в стенах Нотр-Дама.

Колоколов было девять, их отлили в честь 850-летия со дня закладки первого камня в фундамент собора и на месяц выставили на обозрение публики в нефе. Царапины после акции обнаружили только на одном. Благодаря этим царапинам суд может нарисовать участницам Femen до семи лет тюрьмы — за повреждения, совершенные в здании, предназначенном для совершения культа. Пойдет ли суд на это, узнаем позже, а пока послушаем стороны.

Историческое заседание прошло под боком у Нотр-Дама. Впрочем, ни священников, ни явственно верующих в зале не восседало. Пришли девять Femen в украинских веночках и в футболках с нарисованными грудями, трое смотрителей Нотр-Дама, трое судей, четверо адвокатов (два от девушек, два от противоположной стороны), журналисты, знакомые Femen... Всего человек пятьдесят.

За дверями никто не остался. Митинг поддержки перед судом не стоял. Французские феминистки не обращались с громкими призывами к «сатрапам».

И когда обвиняемые девушки покинули зрительскую скамью, чтобы присесть поближе к судьям, оставив на скамье веночки, показалось, что кто-то принес их в память о славном прошлом этого удивительного движения, для которого сиськи стали единственным аргументом, информационным поводом, гербом и флагом...

Париж любит смелых и независимых, любит политические акции, любит марши и карнавалы, уважает красивый бардак... Переезд Femen из Киева в Париж был стратегически верным решением (особенно после того как И. Шевченко зачем-то спилила крест памяти жертв сталинских репрессий; но тогда французы, похоже, не вдавались в подробности). Пляски с одухотворенными лицами у колоколов в нефе собора Парижской Богоматери и профанация аборта при помощи говяжьей печени у алтаря церкви Мадлен (20.12.2013)[2] — решение не совсем верное. Потому что такой *креатив* вызывает у одних — раздражение, у других — скуку.

И это — помимо уголовного преследования — еще один тревожный сигнал для девушек, которые собираются совершить «всемирную Femen-революцию».

После адвоката революционерок Микаэля Гнассья, который безуспешно просит отправить дело на переквалификацию, к судьям выходит лидер французского (читай, главного) отделения Femen Инна Шевченко, загорелая блондинка с черными бровями. И с переводчицей.

— При подготовке этой акции, — говорит лидер, — мы рассчитывали о том, что мы не хотели причинить никакой деградации никаким предметам.

> «— При подготовке этой акции, — говорит лидер, — мы рассчитывали о том, что мы не хотели причинить никакой деградации никаким предметам»

У каждой из нас была палочка с особой мягкой защитой *(для ударов по колоколам.* — **Ю.С.**).

Версию о мягких палочках подтверждает даже обвинение, только оно настаивает на том, что «защита» (от палочек) отвалилась и палочки поцарапали колокол.

«Фонд 850 лет Парижского собора», финансировавший установку новых колоколов, оценил ущерб в 7167 евро. Еще 10 000 попросил настоятель собора монсеньор Патрик Жакен. Если бы не ссылка на экспертизы, могло бы показаться, будто такой крупный ущерб появился в деле, чтобы придать весомость обвинению.

— Все девять активисток дотрагивались палочками, — продолжает Инна Шевченко. — Но я не могу согласиться с тем, что мы повредили. И когда мы дотрагивались к этим колоколам, это было символическое дотрагивание...

Потом Инна требует предоставить ей фото, где повреждения были бы хорошо видны, потом говорит о том, что колокола долго были «открыты для публики» и повредить их могли многие, потом — о том, что повредить их вот так вот запросто невозможно — «колокола имели размеры огромнейшие и толщину металла огромнейшую»...

— Ясно, — говорит судья. — Хотите что-нибудь добавить?

— По предмету деградации ничего, — отвечает Инна.

Потом Лоран Дельвольве, адвокат настоятеля Нотр-Дама и «Фонда 850...», говорит о том, что после акции на полу была найдена золотая пыль от колокола *(почему не напомнил? Не изучали прогрессивный опыт?* — **Ю.С.**).

— Что вы можете на это ответить? — спрашивает адвокат.

— ...Я отвечаю, хотя я, наверное, не должна отвечать. Предоставьте доказательства для меня и для судьи, и мы будем разговаривать, — говорит Шевченко, и кажется, будто она пришла на «стрелку».

— Вы давали интервью, где сообщали, что унесли кусок золота из Нотр-Дама. Это шутка, или так действительно было? — спрашивает адвокат.

— Однозначно понятно для всех, что это юмор, — отвечает Инна. — Это было на радио. Я сопровождала эту фразу... я смеялась... Я сказала это по причине того, что одна из активисток потеряла часть зуба, и нам придется компенсировать его...

Однозначно понятно для всех, вставлю я свои пять копеек, что компенсация не означает буквально установку (предполагаемого) кусочка золота на место зуба.

Все-таки представшие перед судом Femen — современные девушки, в основном француженки (кроме Инны, кажется). Их имена я не называю по просьбе адвоката, да они и не имеют значения. Имена смотрителей собора, на одного из которых имеют зуб Femen, не стоит называть хотя бы потому, что они-то уж точно не хотели оказаться в этом суде под телекамерами. Эти труженики, которым теперь грозят уголовные статьи, просто пытались снять полуголых активисток с постаментов, на которых стояли колокола. Но девушки, кажется, были в состоянии экстаза... И экстаз, кажется, был не религиозным. Смотрители это как-то сразу поняли и принялись проводить «зачистку» как умели — впрочем, максимально корректно: «Смотрите видео, смотрите внимательно!» — настаивает адвокат смотрителей. А умеют скромные смотрители (одному из которых уже 68) не так уж много. Их главные обязанности — обеспечение пожарной безопасности и консультирование туристов. Но о чем они могли проконсультировать Femen? Смотрите видео: лица «силовиков» растерянны, они пытаются стаскивать девушек с постаментов, одновременно закрывать камеры объективов (вспышки в храме запрещены)... Потом гасят свет...

— Я хотела бы добавить о насилии, — говорит Инна Шевченко. — Все девять активисток имели следы насилия, но я хотела бы особо обратить внимание на то, что был выключен свет. Что они хотели спрятать, совершая насилие?

Выясняется, что они хотели спрятать происходящее от туристов, среди которых «было много детей». При попытке вывести из церкви неизвестную им прежде силу нанесли этой силе повреждения. Вопрос: а что еще они могли сделать? Хотя бы для того, чтобы спасти колокола, установка которых сделалась национальным событием.

Еще и поэтому Femen не стоило дразнить либеральную (если хотите — «богохульную») Францию.

Акция, говорит Шевченко, проводилась ради того, чтобы отпраздновать уход папы Бенедикта XVI и поддержать закон о «браке для всех». Этот закон активно «протаскивали» президент Олланд и другие правящие социалисты. Но и колокола в Париж ехали не просто так, признался адвокат Нотр-Дама. Празднование 850-летия собора «проходило под присмотром архиепископа Парижа кардинала Андре XXIII и под патронатом президента Олланда и мсье Манюэля Вальса, который тогда был министром внутренних дел».

В своей часовой речи адвокат много говорил об идеологии, культуре, уважении всех религий (при несомненном сохранении светского характера Республики) и почти не касался повреждения колоколов.

Становилось понятно, что обвинения, как в случае с карманником Кирпичом из романа братьев Вайнеров, справедливы, но, может быть, не тем способом доказаны. Впрочем, адвокат пояснил цель обвинения:

— ...чтобы такое не повторилось ни в церкви, ни в мечети, ни даже в самой маленькой синагоге. Иначе совершение религиозных обрядов окажется невозможным.

А согласно статье 1 Конституции, напомнил адвокат, «Республика уважает любые верования».

Вероятно, кроме веры в то, что (голой) грудью можно проложить дорогу в царство свободы.

Юрий САФРОНОВ,
соб. корр. «Новой», Париж

P.S. Прокурор попросила назначить каждой Femen 1500 евро штрафа. Троим смотрителям — 500, 300 и 250 евро. Суд удалился на вынесение приговора (и на каникулы). Приговор будет оглашен 10 сентября.

[1] *Уголовный суд первой инстанции.*

[2] *Заседание по этому делу намечено на 11 июля в том же суде.*

Jus est ars boni et aequi — *«Право есть искусство добра и справедливости»*

Коляска

Инвалид Сережа Ярков выиграл ее у государства в суде, но Фонд социального страхования подал апелляцию...

Прямо во дворе дома, где живет Сережа Ярков, стоит фрегат. Он тонко расписан масляной краской, называется «МЕЧТА» и сделан из старой железной шайки типа тех, с которыми в далекие советские времена ходили в баню. Зато паруса на фрегате самые настоящие, какие Ассоль ждала, — из алого шелка. На самом деле фрегат — это часть клумбы, сооруженной кем-то из Сережиных соседей. Из окна Сережиной квартиры на втором этаже алых парусов не видно, поэтому Сережа верит мне на слово. Выйти во двор у Сережи никак не получается: он инвалид детства первой группы. Сережина болезнь называется хитро: «спинальная амиотрофия Верднига—Гоффмана», она считается самой распространенной среди редких болезней, один человек на 100 тысяч населения. За сложным названием кроется вот что: потеря двигательных нейронов спинного мозга и, как следствие, практически полное отсутствие мышц. Они просто не растут. Понятно, что при такой болезни стоять на ногах Сережа не может, ноги его не держат.

Теперь я расскажу, что Сережа может. Это много времени не займет. Он может довольно долго сидеть в инвалидном кресле, не заваливаясь на бок. Для этого Сережина мама кладет его ногу на ногу, и скрещенная нога, на которую всегда надет теплый шерстяной носок — у Сережи очень плохая циркуляция крови, — образует как бы маленький противовес и помогает Сереже удержать баланс. Руками Сережа может нажимать на мышку и довольно споро набирать текст на компе, брать ложку, вилку и специально купленную для него чашку из очень тонкого фарфора: обычная кружка слишком тяжела. В первом классе он мог держать подолгу ручку и писать в тетради, сейчас с трудом расписывается. Полностью выпрямиться Сереже не удается, даже лежа на кровати. Огромный нарост на спине — это выгнувшийся дугой от болезни позвоночник — не пускает. Мама спит рядом с Сережей и несколько раз за ночь поворачивает его. Спать Сереже настолько неудобно, что он старается как можно позже ложиться... Пару лет назад Сережа угодил в реанимацию с воспалением легких, и с тех пор утро Сережи начинается с ингаляции и долгого откашливания после нее.

Так течет его жизнь.

Нет, неправильно я сказала. Так течет его болезнь, а жизнь инвалида Сережи Яркова течет по-другому, в противовес.

Во-первых, у него с мамой напополам есть свой маленький бизнес, сетевой маркетинг по продаже косметики «Орифлейм». Бизнес приносит пока что крошечный доход, но самое главное, бизнес заставляет Сережу читать книги, думать и двигаться вперед. Сережина болезнь тоже заставляет его думать и двигаться вперед, и среди книг я вижу много по истории разных религий или, вот например, книжку протоиерея Алексея Уминского, которая начинается словами старца Макария: «Высоко достоинство человека. Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна; и не в них благоволил упокоиться Господь, а только в человеке».

Я провела в доме Ярковых целый день. И это не был заполненный нытьем день с инвалидом, это был день с отличным пареньком, добрым, независимым, мыслящим современно и открыто. И я просто диву далась, откуда столько силы, веселья и радости в этом измученном теле...

Главный Сережин друг — его мама Ира. Почти каждая Ирина фраза начинается со слов: «Вот Сережа вам расскажет», или «Сережа должен это знать лучше», или «Надо с Сережей посоветоваться...»

— Он, как мудрый старичок, мне дает советы, как поступить, я сама не додумываюсь, — как бы хвастается она.

Ирина — Сережины руки и ноги, а сейчас так еще сложились обстоятельства, что даже путешествие по комнате для Сережи в одиночку невозможно: коляска сломалась, фактически превратившись в стул.

Здесь, собственно говоря, и начинается основная часть истории. Коляски свои Сережа обычно получал от Фонда социального страхования, то есть от государства. Так-то он особо государство собой не обременял: в санаторий бесплатно никогда не ездил, жилья, положенного ему как инвалиду первой группы, не выпрашивал. Сидел тихо. До 2011 года все Сережины коляски были механические, то есть он сам управлять ими никак не мог, зависел полностью от домочадцев.

И вдруг ему выдают чудо китайской техники — коляску с электроприводом.

— Я прямо стал как наездник на лихом скакуне, меня распирало от счастья, — смеется Сережа. — Надо было меня видеть в первый день, как она появилась. Трудно это описать: всю жизнь твоя коляска стоит на одном месте, и стоит не так, как тебе хочется, а как поставили. А тут — раз, и поехал в любую сторону по квартире, такое было ощущение свободы, я катался с утра до вечера, разгонялся, ставил ее на попа...

Но вот из квартиры на улицу выехать Сережа Ярков никак не мог: он живет на втором этаже пятиэтажки, не оборудованной подъемником. Несколько раз в год Сережу все-таки выносили во двор: папа сделал металлические трубки, которые вставлялись снизу в коляску, превращая ее в портшез, и два здоровых мужика, кряхтя, сносили Сережу вниз. Получалось почти путешествие падишаха. Путешествие падишаха со второго этажа на первый продемонстрировали и мне. Сережа, вцепившись в кресло, бултыхался в нем из стороны в сторону, парни страшно боялись за что-нибудь задеть, соседи столпились внизу, давая проход портшезу: как будто и не XXI век, как будто и не европейская страна, в которой разработана Программа правительства РФ для инвалидов под названием «Доступная среда»...

Сережа много раз просил администрацию городка Строитель, в котором он живет, решить вопрос с его вынужденным затворничеством и сделать подъемник, а администрация все время говорила, что слишком бедна для этого. И Сережа отправился в суд. По ходу судебного разбирательства стало выясняться, что чисто технически подъемник в доме сделать невозможно. А тут и китайское чудо приказало долго жить: сломался моторчик. И Сережа, как человек пытливый и современный, стал искать решение всех проблем в интернете. И нашел — последнее слово техники, отличную коляску-ступенькоход, да еще и нашего производства. Нашел Сережа и методические рекомендации Министерства труда, куда эта коляска включена, и даже поставлена фотография прямо с сайта изготовителя, так что перепутать невозможно.

И торжествует справедливость! Суд первой инстанции (судья Польшикова), а он был, по настоянию Сережи, выездным, прямо у него в квартире, обязует своим решением Фонд социального страхования Белгорода выдать Сереже Яркову коляску, которая хоть как-то приблизит его существование к жизни здоровых людей. В своем решении суд опирается на замечательные документы: Всеобщую декларацию прав человека, Конвенцию о правах инвалидов ООН, ратифицированную Россией, Конституцию России и Федеральный закон о социальной защите инвалидов в РФ. Главное во всех этих документах — забота о больных людях и максимальное желание облегчить их судьбу.

И что? Бросается фонд выполнять решение суда, обязательное для исполнения всеми на всей территории страны? Думает, где взять средства, в какие фонды, может быть, обратиться, чтобы совместно, если государство не может в одиночку, купить Сереже эту разнесчастную коляску?

Ничего подобного. Фонд социального страхования подает апелляцию, то есть имеет бесстыдство судиться с инвалидом, который всего-навсего добивается от государства законной возможности ВЫЙТИ ИЗ ДОМА и проехать по улице родного городка, набрать в свои несчастные, изуродованные болезнью легкие свежего воздуха.

А дальше — еще чудесатее! Апелляционная инстанция отменяет обоснованное, мотивированное нормами международного права решение районного суда с легкостью, отменяет так, будто его никто и не выносил, и Фонд социального страхования выигрывает дело у инвалида первой группы Сергея Яркова! И все это входит в противоречие с какими-то нравственными законами, с функциями добра, происходит лицемерная подмена духа законов странными буквами, складывающимися в одно слово — «жестокость».

1 июня Сережа разместил на социальной платформе change.org/yarkov петицию с требованием прекратить его мучения и выдать коляску-ступенькоход. Под петицией никому не известного молодого человека из Белгородской области уже подписались почти 148 тысяч человек. Почти СТО СОРОК ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ самых разных людей считают, что по отношению к Сереже совершен поступок дурной и безнравственный.

Самое удивительное, что, оказывается, в конце 2012 года белгородский ФСС приобрел очень похожую и по стоимости, и по функциям коляску. Я нашла человека, для которого эта коляска была куплена, и спросила, как же он ее получил.

— Я ее из них выгрыз. Понимаете, ВЫГРЫЗ! — ответил он.

Ни Сережа, ни его мама выгрызать не умеют.

Виктория ИВЛЕВА

P.S. *— Сережа!— говорю я. — Давай, все, кто подписал твою петицию, просто скинутся тебе на коляску, меньше трех рублей с подписанта получится...*

— Нет, — отвечает он очень твердо. — Потом придется и для других таких же собирать. Я хочу создать прецедент (так и говорит: «Хочу создать прецедент»), чтобы остальным таким же инвалидам в России стало проще. Если от меня начнется этот толчок, то это уже не один я буду, это все запертые в квартирах люди смогут выйти из них и поехать, например, в магазин...

Александр ГЕНИС

Висвалжу, или Мои университеты

Педагогическая трагедия

1

Так получилось, что все свое образование я получил на короткой, в один квартал, улице с названием, напоминающим глагол: Висвалжу. Здесь располагалась и очень средняя 15-я школа, и такой же филологический факультет.

К тому времени, однако, родители уже не гнались за красотой, ибо обожглись на ней с моим братом, когда отдали его в школу с видом на Академию художеств. Выстроенная в стиле кирпичной готики, отличавшейся от обыкновенной тем, что была на семь веков новее и намного наряднее, Академия соблазнила отца тем, что походила на все, чего он не видел ни в православном Киеве, ни в провинциальной Рязани. Крутые крыши, терракотовые стены, стрельчатые окна с тюлевыми занавесками, за которыми прятались, думалось нам, обнаженные натурщицы. Сам я никогда в Академии не был. Она считалась вотчиной только латышского свободомыслия, где процветала нефигуративная живопись балтийской фовистки по имени Майя Табака и устраивались (по сугубо непроверенным слухам) вернисажи с оргиями.

Так или иначе, Гарика, который в Рязани связался со шпаной и научился курить, определили в школу с эстетическим намеком. Глядя на уроках в окно, надеялись родители, он невольно приобщится к прекрасному. В окно Гарик смотрел, но прекрасное не помогало, и он так плохо учился, что я делал за него уроки до тех пор, пока не пошел в школу сам.

Пока этого не произошло, я томился скукой и мечтой о хотя бы начальном образовании, которое я себе воображал по уже прочитанному «Незнайке». Родители не разделяли моих грез, но и не разоблачали их из педагогических соображений. Неопределенное мычание в ответ на мои восторги укутывало полупрозрачным занавесом тайны предстоящую мне школу, и я подозревал в ней мистерию, вроде брака, о котором имел столь же смутное представление.

Встреча, однако, откладывалась, родители тянули, чтобы дать мне шанс насладиться последней свободой. Не принимая этого аргумента, я тянулся к знаниям, как монах к веригам, и выполнял за Гарика упражнения по русскому языку, заполняя пробелы в трудных словах печатными, точнее, какими умел, буквами.

Весной эта добровольная повинность становилась особенно трудной из-за Миньки. Требуя отпустить его на дачу, где нашего кота уже с марта ждали наглые юрмальские кошки, он в знак протеста мочился на валявшийся под столом портфель Гарика. Легкий запах мочи до сих пор ассоциируется у меня с русской грамматикой, но, как почки в рассольнике, этот нюанс придает ей прелесть, которую могут оценить лишь истинные знатоки и любители.

2

К моему разочарованию, первого сентября уроков не было, но снаружи мне школа понравилась. За незатейливым и добротным желтым кубом привольно расположился стадион со взрослым футбольным полем. С другой стороны, под железнодорожной насыпью, росли ветхие ивы с такими глубокими дуплами, что в них, как я вскоре выяснил, прятались куривше школьники.

На следующий день я вошел в вестибюль, отравленный запахом еще не просохшей, напоминавшей о лете зеленой краски. Первым меня встретил похожий на ангела курчавый Ленин. (Много лет спустя, уже в Америке, я подружился с Мишей Бланком, который выглядел точно так же, только был больше.) Второй была гардеробщица. Толстая и миролюбивая, она вскоре стала моим единственным утешением, и мне стыдно, что забыл ее имя-отчество. Зато я запомнил свою первую учительницу Ираиду Васильевну и ничего ей не простил.

Чтобы понять весь ужас происшедшего с тех пор, как я вошел в класс (1 «В»), я должен вспомнить, чего ждал от школы. В моих глазах она была истинным (в отличие от ложных, с крестами) храмом. В нем, естественно, поклонялись знаниям, которые были захватывающей игрой, как футбол, праздничным ритуалом, как Новый год, бескорыстной любовью, как к Миньке. Но главное — знания обещали переход в иной, потусторонний, мир, где росла душа, отрываясь от тела. На самом деле в школе тело отрывалось от души и становилось единственно важным, как я выяснил еще до звонка, получив моим же портфелем по куполу.

Второй школьный урок мне преподала Ираида Васильевна, видевшая во всех нас малолетних преступников. Бесправные и неполноценные, мы все время нарушали закон: вертелись, щипались, шептались, а один (если верить дневнику, им был я) даже мяукал на уроке. И как его (меня) не понять, если нас, как Миньку, держали взаперти, за глухими, хоть и застекленными, дверьми, не пуская в сад, где растет древо познания с румяными плодами из Жюля Верна.

Школьные знания начинались с прописей и кончались двойкой. Между двумя точками одной кривой случались, как по пути к Голгофе, остановки. Мерзкая перьевая ручка с пером-уточкой, эбонитовая чернильница с лживым названием «непроливайка», подобострастный смех соузников над идиотскими шутками учительницы, тапочки для физкультуры, из-за которых все узнали, что я не умею завязывать шнурки, и, конечно, изнурительная скука знаний: «жи-ши» пиши через «и», а что пиши, никому не важно.

Перемены разительно отличались от уроков и были намного хуже. Вырвавшись из-под педагогической узды, дети возвращались в естественное состояние неблагородных дикарей. Сильные били слабых, слабые — беспомощных, и единственным способом ограничить насилие был футбол. За это я люблю его до сих пор. Я не помню, чтобы мне удалось забить мяч в чужие ворота, но игра придавала азарту форму и удерживала от беззакония на время тайма. Признав мои усилия казаться нужным, меня перевели в полузащитники, отодвинув подальше от безнадежного вратаря. В сущности, на этой позиции — сидя на двух стульях между двумя континентами — я и провел всю последующую жизнь, но тогда я этого еще не знал, простодушно радуясь тому, что на поле били только по мячу.

Понимая, что помощи ждать не приходится, я не рассказывал дома правду о школе, но она мне снилась: Ираида со стальными зубами, правописание в кляксах, штаны с чернильными подтеками, разбитое окно, преследовавшее меня до каникул. Просыпаясь, я шел в школу, заклиная по пути судьбу — обходил трещины на асфальте, чтобы не получить двойку на уроке или на перемене по лицу. Свернув на куцую улицу Висвалжу, откуда до школы оставалось три минуты, я замедлял шаг и начинал клясться.

«Пройдет много лет, — говорил я себе про себя, — я стану большим и глупым, как все взрослые, которые не знают о моих мучениях, но никогда, что бы со мной ни произошло и где бы я ни оказался, я не забуду тех страшных трех минут на улице Висвалжу, которые отделяют меня от первого звонка, Ираиды Васильевны и мордобоя».

> Вырвавшись из-под педагогической узды, дети возвращались в естественное состояние неблагородных дикарей. Сильные били слабых, слабые — беспомощных, и единственным способом ограничить насилие был футбол

Я не забыл об этой клятве до сих пор, хотя и дал ее в первом классе. Во втором появился Максик.

3

В школе второгодники играют ту же роль, что на воле — блатные. Они ходят вразвалку, размахивают руками так, что видны ладони. Они нравятся женскому полу. Они внушают страх и сидят «на камчатке». Максик был смазлив, высок, силен и смышлен во всех сферах жизни, кроме ученой. Влившись в коллектив, он сразу установил свое превосходство в поединках с элитой — форвардами футбольной команды, и лишь доказав свою силу там, где она могла внушать сомнение, перешел — уже из молодецкой удали — на слабых, в том числе меня.

— Вырубим? — сказал Максик на большой перемене, которую мы коротали под ивами.

— Не стоит, — скрывая ужас, уклонился я.

Но было поздно. Однокашники уже образовали круг, а Максик (в качестве бандерильи) хлопнул меня по щеке еще открытой ладонью. Вспомнив боксеров из телевизора, я стал подпрыгивать на месте, чем вызвал гогот и получил под дых. Горя от возбуждения и страха, я не чувствовал боли и гадал, когда это кончится. Никем не установленные, но всем известные правила драки предусматривали два исхода: до первой крови или уложить на лопатки. Не дожидаясь первой, я, надеясь быстрее сдаться, вошел в клинч и неожиданно повалил противника на спину. Одержанная на глазах класса победа была бесспорной, но я не заблуждался в том, что мне предстоит дорого за нее заплатить.

С того дня Максик бил меня на каждой перемене и еще после школы. Жаловаться я не мог, потому что это было еще хуже, чем плакать. Прогуливать школу я не решался, а по болезни не выходило. Несмотря на общую хилость (меня даже звали Скелетом), я никогда ничем не болел. Только раз из-за мороза отменили занятия, после чего я каждое утро бросался к градуснику.

Самое странное, что Максик был мне врагом не всегда, а только в школе. Его мать обладала немалой властью, служила дворничихой в соседнем доме и все про нас знала. По вечерам она посылала сына к нам поиграть и набраться ума. Максик звонил в дверь, вежливо здоровался и намекал, что хочет есть. Бабушка бросалась жарить картошку, но перед тем, как сесть к столу, он недолго отнекивался, считая, что перед едой положено стесняться.

В школе, однако, все начиналось сначала. Максик заламывал мне руку, пачкал форменный пиджак с якобы белым воротничком и возил носом по полу на глазах у девочек. По немому уговору мы с ним никогда не обсуждали в школе то, что происходило дома, а дома — то, что случалось в школе. Я даже знаю — почему.

Школа была фронтовой зоной, но переступив наш порог, Максик становился абреком, которого следовало угощать и не попрекать. Разобравшись в этикете и дойдя до отчаяния, я решил перенести военные действия на его территорию. Вооружившись игрушечным молотком, сопровождавшим меня в геологических экспедициях, когда мы жили на даче, я пришел к нему домой и сразу, не пускаясь в объяснения, треснул молотком по лбу. Упав, скорее от удивления, Максик не нашел что возразить, а я вернулся домой, трепеща от триумфа, восторг от которого не оставляет меня и сегодня.

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Вечером, однако, к нам ворвалась его мать. Назвав меня уголовником, она обещала подать в суд, и родители ее едва успокоили, пообещав сильно выпороть, что было, конечно, ложью и блефом. Били меня только в школе, а отец ударил один раз, когда я умудрился получить единицу по ботанике.

К счастью, Максик вновь остался на второй год, и наши пути разошлись, чтобы пересечься, когда мы выросли. Местом встречи служил гастроном, где он служил грузчиком, а я — клиентом, покупавшим выпивку после урочного часа. От перемены мест наши отношения не изменились. Максик по-прежнему был на коне и зарабатывал — в том числе на мне! — сколько нам и не снилось.

Что-то тут не так, смутно казалось мне, но я сумел исправить положение, лишь оставив ему страну.

4

Школьные годы тянулись, меняясь меньше меня. Я рос, учась выживать. Сидел, например, у окна на нужной парте. Первая — для отличников, последняя — для второгодников, вторая — в слепом пятне, где можно невозбранно читать свое или пялиться на рельсы, где сновали пригородные электрички и поезда дальнего и недоступного следования. В остальное время я писал стихи — фломастерам на парте, по-английски и ямбом: «Make love, not war».

Моя экстравагантная парта нравилась девочкам, и я зауважал английский язык как средство общения между полами. Жизнь сделалась сносной. Особенно после того, как я перебрался на другую сторону все той же улицы Висвалжу, чтобы войти в уродливый четырехэтажный дом, только что построенный для филологического факультета. На вступительных экзаменах я выбрал беспроигрышную тему для сочинения — «Народ у Пушкина». Чтобы не путаться с цитатами, я остановился на одной, из «Годунова»: «Народ безмолвствует». Не уловив — или наоборот — уловив диссидентский подтекст, экзаменатор поставил мне пятерку. Сдав остальное не хуже, я поступил в университет в непривычном ореоле круглого отличника. Именно поэтому меня выбрали комсоргом.

— Я недостоин принять эту должность, — сказал я, кобенясь, как тот же Годунов.

— Достоин, — возразили старшие.

— Нет, недостоин, — уперся я, — потому что не имею чести состоять в комсомоле вовсе.

Проверив бумаги и убедившись в промахе, меня отпустили из деканата.

Лучшее, что я могу сказать об университете, сводится к тому, что я там женился. С тех пор прошло сорок лет. Все в моей жизни поменялось, кроме жены, с которой мы иногда поем дуэтом чуть ли не единственное, что вынесли из университета: «Gaudeamus igitur. Juvenes dum sumus».

И еще, вспоминая уроки отечественной морфологии, мы коротаем долгие, как это водится в Америке, автомобильные поездки за филологическими играми, способными свести с ума изучающего русский язык иностранца.

— Если он — чиновник, — начинаю я, — то она — чиновница.

— Если он — мельник, — продолжает жена, — то она — мельница. Но если он — хохол, то она — хохлушка.

— А если — бездельник, то она — безделушка.

Нью-Йорк

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА

Зачем вообще стихи?

Вопрос, который стал актуальным во времена, когда выпускники гуманитарного факультета гадают — мужчина или женщина Эрих Мария Ремарк. Отвечает на него известный поэт и писатель Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

РИА Новости

Думаю, что не сильно ошибусь, если предположу, что подавляющее большинство людей прекрасно обходится без поэзии. И это по-человечески не говорит о них ни хорошо, ни плохо: они просто не получают от стихов удовольствия.

Английский классик Уистан Оден высказался вполне определенно: «poetry makes nothing happen», что можно перевести как «поэзия ничем не оборачивается», или совсем вольно: «поэзия — сотрясение воздуха». И все же безделица поэзии для восприимчивого к ней человека иногда оборачивается эстетической радостью, даже потрясением.

Когда-то в древности стихами (впрочем, по нынешним понятиям довольно необычными) писались священные тексты — считается, что для удобства массового запоминания наизусть. Спустя столетия поэзия опростилась и постепенно стала пристрастием и баловством, вроде спорта, коллекционирования всякой всячины или любви к путешествиям. Баловством-то баловством, но с самыми серьезными вещами: с любовью, со смертью, со смыслом или бессмыслицей жизни и т.п.

Не только великий писатель, но и очень умный человек Лев Толстой считал, что сочинять стихи — все равно что танцевать за плугом. Он, вероятно, имел в виду, что думать на главные темы и так непросто, зачем же еще усложнять себе задачу, отвлекаясь на всякие выкрутасы — размер и рифму. Но чуткие к поэзии люди могли бы возразить, что Толстой, в общем и целом, прав, кроме тех случаев, когда он не прав.

Возьмем для примера такое философское суждение: объективный мир и человеческое мышление имеют принципиально разные начала, поэтому все попытки осмыслить устройство мироздания тщетны. Суждение как суждение — глубокое и горькое, его можно принять к сведению. Но вот как высказался на ту же тему Тютчев:

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Для чувствительного читателя эти четыре строки тотчас делают отвлеченное философское предположение личным переживанием, дают возможность испытать *собственную и сиюминутную* эмоцию от старинной выкладки ума. А знать какую-либо точку зрения на предмет и испытать по поводу того же предмета собственное чувство — качественно разные вещи.

Зачем мы посещаем памятные для себя места — двор детства или окрестности дачи, где жили когда-то? Мы разве не знаем заранее, что нас там больше нет, что нет в живых многих людей, с памятью о которых связаны эти пейзажи? Или для нас новость, что время безвозвратно проходит? Всё мы прекрасно знаем, но хотим *пережить* этот опыт вновь, понарошку воскресить прошлое, убедиться в собственной причастности к печали и радости жизни.

Что-то такое представляет собой и поэзия в сложившемся за последние два с половиной столетия понимании. Ее можно сравнить со снадобьем, под воздействием которого разыгрывается воображение, и человек на время оказывается под обаянием какого-либо авторского настроения или хода мысли, но при этом все-таки отдает себе отчет, чем вызван неожиданный прилив определенных мыслей и чувств. Нечто вроде полусна на заказ.

Вот этот-то, сродни наркотическому, эффект искусства, скорей всего, и раздражал морализма Толстого. И он имел право на раздражение, поскольку, как мало кто, знал, с чем имеет дело.

Но здесь — перекресток. Если мир и человеческая жизнь в нем — урок с более или менее известным ответом, то поэзия, конечно же, помеха, потому что рассеивает внимание и отвлекает от «учебы». При таком раскладе поэзия может пригодиться лишь в качестве наглядного пособия или мнемонического подспорья.

Но если допустить, что мир возник и существует по мановению непостижимой — личной или безличной — творческой стихии, то искусству, включая и такое бесполезное, как поэтическое, нечего стесняться: соразмерность и равновесие его шедевров пребывают, как кажется, в согласии с загадочными законами и пропорциями мироустройства.

Хочется думать, что именно это имел в виду Пушкин, когда сказал: «Поэзия выше нравственности — или, по крайней мере, совсем иное дело».

Получается, что я так и не ответил на вынесенный в заголовок вопрос «Зачем нужны стихи?». Но это, в конце-то концов, даже утешительно: значит, поэзия — из ряда главных явлений человеческого бытия, смысл которых так и останется вечной головоломкой.

Война — вроде лихорадки. Штамм 1914-го

Люк Персеваль поставил «На Западном фронте без перемен»

«Война — вроде лихорадки. Никто о ней не мечтает, но кто-то принес заразу. Мы не хотели войны, другие тоже — но вот уже весь свет пылает в горячке», — думает герой Ремарка, пригибаясь в окопе 1914 года. Эти слова — ключевые для спектакля театра Thalia (Гамбург). «Фронт» Люка Персеваля уже приглашен на Эдинбургский фестиваль и в Белград, на BITEF. Уже показан в Берлине по личному приглашению президента ФРГ Йоахима Гаука — в память жертв той войны. В день столетия начала Первой мировой «Фронт» сыграют в Сараеве.

thalia-theater.de / Armin Smailovic

На сцене почти темно. В глубине — исполинская серая стена «крепости Европа». Она кое-где пробита снарядами. По ней все два часа будут идти, сменяясь, фото солдат 1914–1918 гг. — германских, британских, бельгийских, французских, чуть не всех армий, втянутых в бойню. А поверх лиц и касок, трехцветных султанов и железных крестов — рваные облака и злой дождь.

Сцена разделена линией коптилок до самой рампы. Это и есть линия фронта. Золотой полковой рожок свистит слева, из Франции. По обе стороны от коптилок строятся солдаты в одной униформе — белых смертных рубахах. И похожие женщины в бедных пальто военных лет.

Спектакль Персеваля идет на четырех языках: немецком, английском, французском и фламандском — родном языке знаменитого немецкого режиссера. Здесь смешаны отрывки (осколки?) «На Западном фронте без перемен», романа «Огонь» Анри Барбюса, редких по четкости и силе фронтовых записок британской медсестры, мемуаров и газетной хроники.

Юный фламандский почтальон, лопушок в солдатском кепи, младший из четырех братьев (и все на фронте!), говорит матери: *«Ты знаешь, я дома не мог зарезать свинью без стыда. Но немецкие офицеры — монстры, мама! Не люди! Я убил в атаке двоих — и представлен к кресту»*.

Из-за линии фронта ему отвечают по-немецки: *«Лейтенант показал прием рукопашной: как повернуть штык в ране, чтоб врач не сумел ее зашить. Я не забуду его лица в этот миг...»*

И мать фламандского почтальона, кряжистая крестьянка, — на подъеме патриотизма. Через деревню все время идут солдаты, всем что-то нужно, она завела мелочную лавку. И все время зовет дочь поднести бегом запас товара, ведь армия ждать не может: «Мари! Мари-и!»

Солдатские песни с двух сторон линии фронта перебивают друг друга. Гремят мятые железные листы, которыми обито подножие крепостной стены, создавая партитуру обстрела и набата. Все жестче цитаты из писем и документов. Все злей и обрывистей голоса. По обе стороны от передовой — солдаты, армии, народы кружат в нерассуждающей смертной хлыстовской пляске. Безумно усталый голос образованной англичанки в сестринском переднике перекрывает топот:

«Позавчера была атака. Вчера атака. И сегодня. Их везут к нам сотнями, кладут на белые крахмальные простыни: госпиталь знает, чего ждать. Через несколько часов они умирают, и мы сдираем простыни в грязи, крови, рвоте. Стелим крахмальные: в миле от нас идет бой».

В канун Второй мировой Европа была разделена, ощетинена штыками, готова к Апокалипсису. Но Первая мировая началась при относительном благоденствии и благодушии. При общей вере в прогресс и близкое европейское братство. При взлете всех патриотизмов, какие были в Европе.

И — с чего она началась? На чем сюжет повернулся безвозвратно? На маргинальном самоощущении Гаврилы Принципа? На отказе Сербии допустить юристов из Вены к расследованию убийства эрцгерцога? (Славный повод для гибели десяти миллионов человек, распада четырех империй и обвальной русской революции!) На том, как давил посол Франции Морис Палеолог на императора Николая, напоминая о долге союзника? (Посол с горечью опишет эти июльские дни 1914-го в мемуарах — они изданы и у нас.) В какую минуту тронулась вниз лавина? Когда лихорадка войны, ее всенародный психоз, о котором говорит у Ремарка вчерашний школьник, становится общеевропейской пандемией — и косит народы, царства и царей?!

А если еще учитывать, что Первая мировая война — в своем роде пролог ко Второй мировой...

«Фронт» Персеваля задуман в 2013-м — при относительном благоденствии и благодушии мира. Как и все премьеры, серверы семейных фото 1914–1918-го, сборники документов, альбомы, симпозиумы, концертные программы «к столетию», выходящие в Европе летом 2014-го. Никто не знал, какой привкус приобретет юбилей, главный его вопрос: где была *тогда* точка невозврата?

Но чем это кончилось тогда — Персеваль и театр Thalia напоминают очень четко.

Бравый 1914 год на сцене проходит свой крестный путь к 1918-му. Зверская усталость, полное отчаяние, одно желание — вернуться домой — царят справа и слева от линии коптилок. За два часа физически изменяются актеры Thalia: умученные, захлестанные грязью, все они еле несут себя. По крепостной стене Европы плывут рваные облака — как плывут они над Ипром, Марной, Галицией. Погиб — последним из четырех братьев — фламандский мальчишка-почтальон. Его капитан лично привозит последнее неотправленное письмо парня матери и сестре: *«Я хочу выразить вам соболезнование не только от себя — но и от нашего полковника. Ваш мальчик был храбрым солдатом и патриотом»*. Капитану явно хочется провалиться сквозь землю...

А полусумасшедшая мать солдата в грубом пальто бредет вдоль рампы, зовет испуганным голосом: «Мари! Мари-и!» То ли дочь, последнюю из детей, то ли Матерь Божью. На сцене полная тьма: мир подписан, погасли коптилки линии фронта. Крик «Мари!» — финал «Фронта».

...И мы не будем проводить аналогий всуе. А вернемся в гамбургский театр Thalia.

В ноябре 2013 года Thalia и Персеваль привозили в Москву, на фестиваль «Сезон Станиславского», поразительный спектакль «Там за дверью» — такой же яростно антивоенный, как «Фронт». У Персеваля эта тема вообще сквозная. Началась она, по рассказу режиссера, с детства. С воспоминаний матери, пережившей в пятилетнем возрасте бомбежку Роттердама люфтваффе.

В марте 2014 года спектакль Люка Персеваля «Там за дверью» получил премию «Золотая маска» в номинации «Лучший иностранный спектакль, показанный в России в 2013 году». На московской пресс-конференции Персеваля спросили: «Что вы чувствуете, принимая вот сейчас «Маску»?» Режиссер хмыкнул и сказал: «Мне и дома кое-кто говорил: как ты можешь? Когда они такие... такие... Я отвечал: русские дали мне свою национальную премию за спектакль о муках немецкого солдата в 1946 году! Так может, они все же не такие... такие... как нам тут кажется?»

И пока нормальные люди остаются нормальными людьми, способными судить разумно, есть надежда, что лихорадка войны не выйдет из лабораторий. Пусть там изучают штамм 1914 года.

Тут ведь России и Европе тоже есть, до сих пор есть что рассказать друг другу. После спектакля в Гамбурге я говорила с менеджерами театра Thalia по делу — о гастролях «Фронта» в Москве. Но естественно — и о спектакле, и об этой войне, о ее цене для нас, о безутешной солдатской балладе *«Брала русская бригада галицийские поля»*, о том, что с военнопленными 1914–1918 гг. в России складывались вполне людские отношения, есть много свидетельств... Но больше всего — о том, как долго колебался Николай II в июле 1914 года перед объявлением мобилизации, как слал телеграммы Вильгельму II с предложением «передать вопрос Международному суду в Гааге».

...И милые немецкие театральные дамы 100 лет спустя с изумлением повторяли друг другу:

— Ты слышишь?! Русский царь **тоже** не хотел этой войны!

Елена ДЬЯКОВА

Подготовил **Валерий ГОР**

Полевые работы

Завтра и послезавтра Парк искусств «Музеон» проведет **Первый международный фестиваль авангардной и экспериментальной музыки *FIELDS*.**

Итак, что? Вдумчивый эмбиент, джазовый авангард, разноформатная электроника, фолк, краутрок и академическая музыка. Как? Самобытно как минимум. Уникальность авторского почерка и «приключения в звуке и музыке» (передирая слоган британского журнала *Wire*) гарантированы. Потому что известно, кто. 13 проектов, которые не грех перечислить все.

Первым хедлайнером можно было бы назвать берлинского пианиста Волькера Бертельманна, известного как *Hauschka*, — мастера препарированного фортепиано и нетривиальных сюжетов в композициях при отсутствии избыточной драматизации, свойственной его коллегам по неоклассической сцене. Финно-американо-бельгийское трио Шарлеманя Палестина, Мики Вайнио и Эрика Тилеманса — вообще супергруппа, которую мэтры собрали не так давно и услышать которую живьем будет крайне интересно: что за гибрид получился из импровизационного минимализма вне строгих композиторских форм Палестина, электронного нойза и остроугольного техно Вайнио (любители должны помнить его по участию в культовом дуэте *PanSonic*) и джазово-перкуссионного бэкграунда Тилеманса. Как аккомпаниатор *PanSonic* засветилась еще одна участница фестиваля — исландская виолончелистка Хильдур Гуднадоттир. *Talvihorros* — британский, несмотря на финское название, проект мультиинструменталиста Бена Чатвина, человека-оркестра, движущегося от интровертного дроуна к медитативному эмбиенту, от акустических гитар к аналоговым синтезаторам — и обратно. В сете в «Музеоне» к нему присоединится брат Джордан со своими ударными.

Стиан Вестерхус — виртуозный авангардный гитарист из Норвегии, достающий из привычного на вид инструмента совсем непривычные и даже нехарактерные для него звуки — не только и не столько с помощью разнообразных «примочек», сколько посредством своеобразной манеры звукоизвлечения.

Остальные участники фестиваля — из России: Антон Маскелиаде с эфемерно-циркулярной электроникой, иногда выливающейся в песни; проект *Forestepps* с акустикой гитары, металлофона, мандолины и пианино, закольцованной в пространные саунд-коллажи; дуэт «Эхолов» с пластической электроникой; группа *Brinstaar* с месмерическими эмбиентными ритмами; *one-man-project* Ника Завриева *Ambidextrous*, в рамках которого он в *IDM* и эмбиент подмешивает замысловатые этнические мотивы; трио «Бром» с немного выпендрежным авант-джаз-панком и, наконец, группа с нередким названием «Лес», но с редкими для наших палестин импровизационными чащами дроуна с просеками эмбиента и техно. В целом фестиваль *FIELDS* почти что обязателен к посещению всеми, кто в теме. Остальными, впрочем, тоже.

Волькер Бертельманн, известный как Hauschka

Море внутри

В московском спальном районе открылся первый арт-пляж — инсталляция «Море спального района» художницы Марины Звягинцевой в парке «Кузьминки». Вместе с небезызвестными кураторами Виталием Пацюковым и Борисом Клюшниковым она рискнула предположить, что за отдыхом не нужно ехать куда-то далеко, и в своем паблик-арт-проекте разрушает сей распространенный стереотип, показывая, что здесь и сейчас у нас есть свое собственное море прямо под ногами — приученная человеком и спрятанная в городские подземные коммуникации вода.

Звучит и выглядит как издевательство, но как занимательное издевательство.

Ул. Юных Ленинцев, 52. До 31 октября

Про музыку конкретно

Основатель и руководитель центра электроакустической музыки и мультимедиа «Термен-центр», заведующий сектором мультимедийных проектов Московской консерватории, создатель и арт-директор Московского оркестра лэптопов *Cyberorchestra*, куратор многочисленных международных фестивалей электроакустической музыки — это все один человек по имени **Андрей Смирнов**.

Сегодня вечером этот один человек **прочтет в Государственном центре современного искусства лекцию**, из которой можно будет узнать об экспериментальной музыке 1950–1970-х годов, Джоне Кейдже и концепции случайности, Пьере Шеффере и концепции «звукового объекта», Герберте Аймерте и первой студии электронной музыки *WDR*, вообще о том, что есть «электронная», а что — «конкретная» музыка, и что значит слово «акустматика». Далее по ходу произойдет знакомство со звуковыми ландшафтами, «художниками свободной музыки» и изобретателями шумовых инструментов. Вход свободный.

Ул. Зоологическая, 13, стр. 2. Начало в 19.30

Полупроводниковые материалы

Обычно считается, что художник — проводник в пространство искусства. Но на самом деле правильнее назвать его полупроводником, ведь творческий акт — синтез сознательной и бессознательной деятельности, и художник хотя бы вполовину ведомый: медиум, лишенный собственной воли. С другой стороны, художник — полупроводник, потому что, выступая в роли проводника для зрителя и предоставляя тому возможность войти в художественное пространство, без зрителя он не способен создать феномен искусства. И конечно, полупроводник — также и сам зритель. Подчиненный произведению, он в то же время выступает обязательным условием для его свершения, не являясь, возможно, последним звеном в цепи общей проводимости.

Исходя из вышесказанного, надо ли говорить, что **спецпроект молодых художников**, представляемый ***Stella Art Foundation*** в рамках IV Московской международной биеннале молодого искусства, называется **«Полупроводники»**. Ключевой темой выставленных работ является интерпретация пространства — социального, личностного, экзистенциального, сакрального.

От художницы Алисы Йоффе будут две инсталляции: серия пейзажей для одного зрителя и масштабная работа *Study of the Wound of the Christ*. Полина Канис покажет видеопроект, в котором неожиданным образом преломляются забытые и невидимые социальные ритуалы. А Кирилл Савченков организует аудиопрогулку по идеальному району города-утопии — собирательному образу российских окраин, которые автор снимал в течение последнего года. Совриск как он есть.

Скарятинский пер., 7. До 15 августа

РИА Новости

Прима

Сегодня вечером на Новой сцене Большого театра состоится **юбилейный вечер** знаменитой балерины и хореографа **Наталии Дмитриевны Касаткиной**.

Для нескольких поколений любителей балета она — легенда, возраст которой не имеет значения. Поклонники ее творчества снова смогут увидеть «Весну священную» — знаменитую постановку Касаткиной и ее мужа Владимира Василёва, созданную для Большого театра в 1965 году, а также отрывки из новых балетов театра. Солисты ведущих театров — Большого, Мариинского и других — представят свои номера-поздравления.

И еще. В честь юбилея примы **до 30 июля на сцене театра «Новая опера»** будет идти **балетный фестиваль**, в ходе которого покажут лучшие постановки Государственного академического театра классического балета. Касаткина и Василёв уже почти сорок лет возглавляют этот театр.

Театральная пл., 1. Начало в 19.00

Созерцание

Центр фотографии имени братьев Люмьер представляет **выставку** работ **японского фотографа Шигеру Йошида «Тихое странствие»**.

22 черно-белых авторских снимка выполнены в деликатной, как японская каллиграфия, технике *Fresco Giclee*. В ней сочетаются заводская технология покрытия листа нежнейшей бумаги гашеной известью и пигментная архивная чернильно-струйная печать. И это придает очарование работам Шигеру, которое лучше один раз ощутить в прямом смысле своими глазами.

Смотреть придется на фотографии из серии «Границы», которую мастер начал в 2011 году, потрясенный разрушениями в родной Японии от цунами. Это пейзажные работы в японской традиции, в которой, как и в гравюре, сильно влияние философии Дзен, полагающей, что истина приходит через созерцание.

Например, фотограф смотрит на водную гладь — и раскрывает ее сакральное значение, сохраняя мировоззрение, свойственное японской культуре, по которому водяной поток означает течение жизни, неразрывную связь человека с природой. Минималистичность изображений только усиливает философский лад.

Выставку **15 июля** откроет сам Шигеру Йошида, прочитав к тому же лекцию.

Болотная наб., 3, стр. 1. До 21 сентября

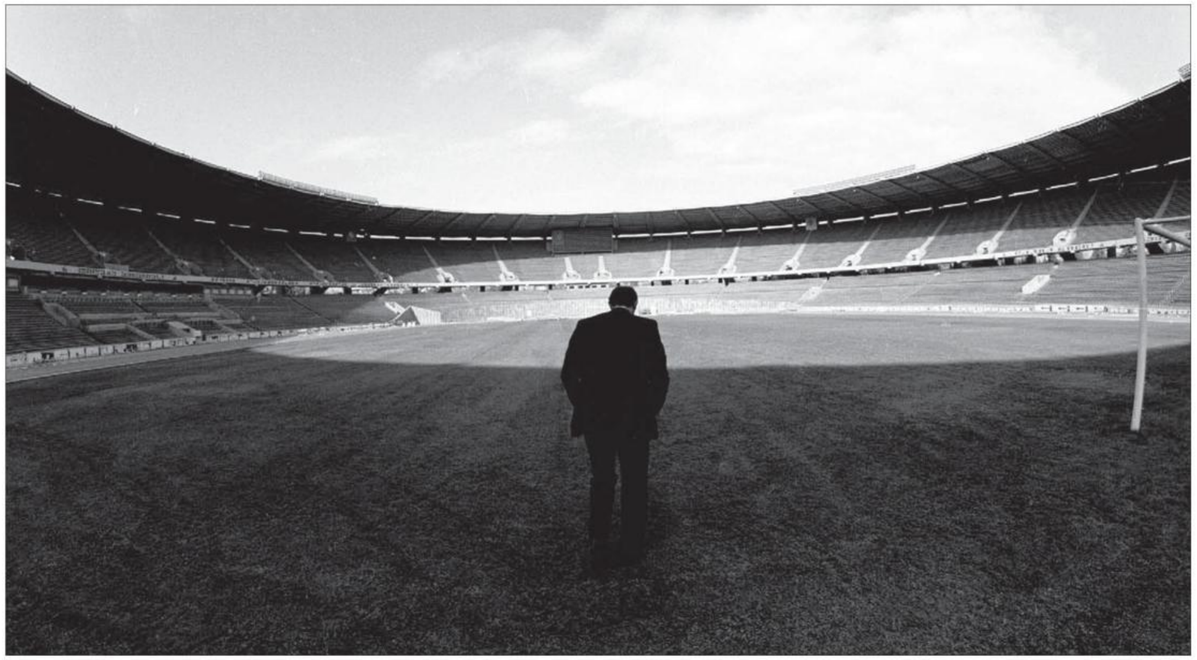
Браво, шестидесятые!

12 июля на крыше **центра *ArtPlay*** состоится большой **концерт группы «Браво»**, который станет заключительным септаккордом однодневного **фестиваля музыки и стиля *Back to the 60s***.

Кто-то до сих пор признает только «Браво» с Агузаровой, кто-то ностальгирует по временам Валерия Сюткина — временам настоящей «бравомании», самые преданные поклонники принимают и нынешний, с Робертом Ленцем у микрофона, состав, которому ни много ни мало 18 лет. Но всегда выступления группы — это не «просто так». Вот и в этот раз группу будет сопровождать биг-бэнд из тринадцати духовых инструментов. Евгений Хавтан со товарищи исполнят не только собственную «классику» и новые песни, но также композиции из наследия 1960-х с приглашенными музыкантами: Яной Блиндер, Александром Болотовым из *The Riots*, Надеждой Грицкевич («Наадя»), Михаилом Родионовым (*The Retuses*) и другими.

Ну а перед «Браво» на площадке *ArtPlay* бурную атмосферу шестидесятых — с их культурной и сексуальной революцией, модами, хиппи, рокабиллами и рудбоями, Керуаком и Сартром, Ленноном и Колтрейном, Уорхолом и Монро, жаждой протеста и всеобщего счастья — эту атмосферу попробуют воссоздать сразу на двух сценах серф-психоделик-трио *Messer Chups*, брасс-джаз коллектив *1/2 Orchestra*, авторитетные московские гаражники *The Thunderbeats* и рок-группа «Моды». За диджейские сеты будут отвечать Мика Шлиммер, большой любитель серфа, джаза и психоделии, и *DJ Spaceman*, организатор культовых рокабилли-вечеринок *Shag!* и бывший арт-директор «Солянки». Кроме того, на фестивале ожидается танцевальный перформанс от *Matreshkas in Jazz*, виниловый маркет от магазина *DIG* и мастер-класс по игре на укулеле от «Укулелешной». В завершение всего этого на сцену снова поднимется Евгений Хавтан, но уже в качестве диджея — с сетом на час.

Ул. Нижняя Сыромятническая, 10. Начало в 17.00

карта памяти

Кипиани

Кипиани ушел...

Ушел — и всё, и никогда мы его не увидим на поле. Ни его артистизма, ни сдержанного достоинства, ни тонких решений, когда только в конце полета мяча наконец понимаешь то, что он знал еще до удара.

Ловишь себя на мысли, что надо было ходить на футбол, смотреть, запоминать. Теперь он уходит, хотя идет к центру площадки и к середине жизни.

...В Тбилиси на большом сером доме с выбитыми стеклами парадной лестницы открыли мемориальную доску замечательному одиночке коллективной игры в футбол. В этот день Давиду Кипиани исполнилось бы пятьдесят лет. Если бы не автокатастрофа, свое физическое существование он продолжал бы долго — спорт не сильно навредил его здоровью. А свой век в футболе он прервал сам.

Он вышел из большой игры, устав быть любимым и непонимаемым. Любили не те, в чьем понимании он нуждался.

Может быть, Дато, инакомыслящий на поле футболист, чьей артистичностью и легкостью любовались зрители, искал понятную лишь ему гармонию соответствия. И нашел бы, наверное, не оступись на кромке жизни.

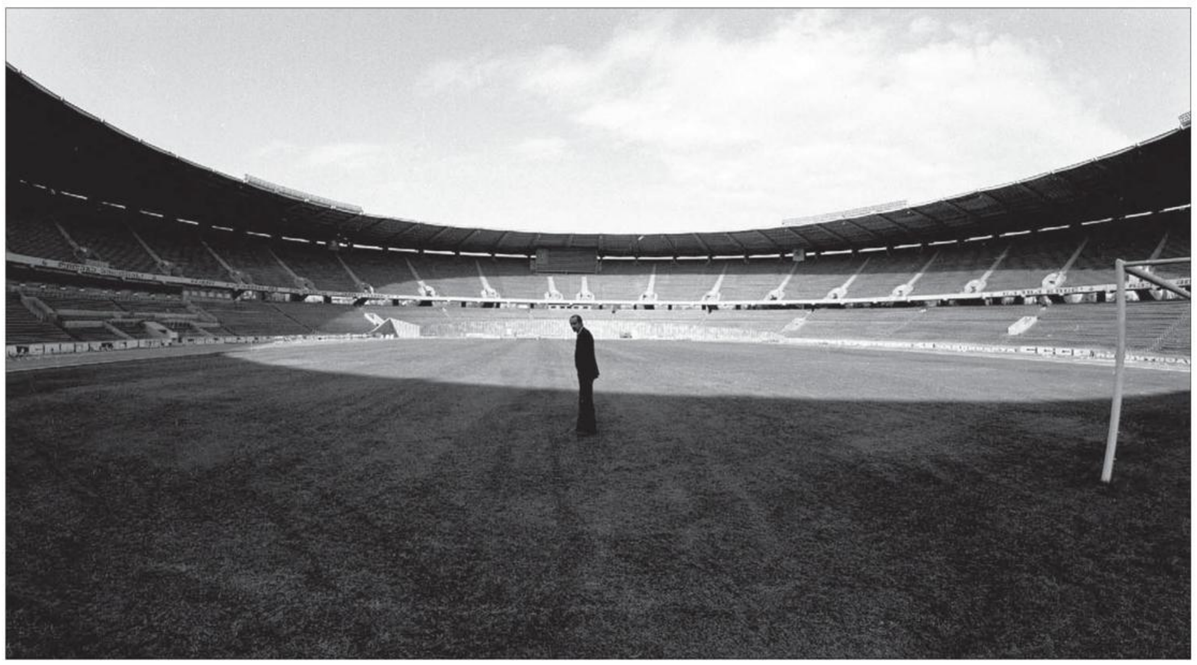
Спустя несколько лет после того, как он покинул футбол, я упросил его приехать на стадион и выйти на поле. Просто выйти.

Знаменитый форвард середины прошлого века Борис Пайчадзе (директор стадиона, который теперь носит его имя) подогнал поливальную машину, с которой было бы удобно снимать Давида и двух его сыновей. Два очаровательных пацана, Леван и Никуша, носились по газону, а Кипиани стоял на лицевой бровке и не решался сделать шаг. С момента ухода из большого футбола он ни разу не ступал на газон.

Дети убежали на трибуну. Пайчадзе закурил и отвернулся. Водитель поливалки дремал в кабине. На огромном стадионе больше никого не было. Солнце нарисовало кривую границу тени на траве. И Кипиани, сутуляясь, пошел к центру поля. Не доходя до края света, он остановился и оглянулся. В этот момент он был совершенен. Один на пустой арене. Не одинокий, но уединенный. Потом он пересек поле и скрылся в темном тоннеле.

Ушел. Без замены. И без команды.

Юрий РОСТ

Спортивный агент Денис ЛАХТЕР:

«Наши футболисты занимаются чесом по стране»

Почему они думают, что зритель простит им фальшь

Глядя на битвы плей-офф чемпионата мира в Бразилии, думать о причинах тихого вылета сборной России не очень-то и хочется. После провала даже плана-минимум — «обязательного выхода из группы» — о нашей команде хочется забыть, благо ее серое выступление действительно мало чем запомнилось. Но говорить о ней надо. И сейчас. Когда до «домашнего» чемпионата мира осталось всего четыре года. Денис Лахтер — известнейший спортивный агент, был едва ли не единственным специалистом, который перед мундиалем в открытую говорил о будущем провале нашей сборной. Мы решили поговорить с ним, когда его прогноз уже полностью оправдался.

— К сожалению, сборная за последние годы приучила к тому, что любой мимолетный успех воспринимается как исключение или стечение обстоятельств. По совокупности поступков, их алогичности и абсурду тяжело надеяться на другое.

— Все-таки наша неудача в Бразилии — это недостаток самоотдачи и мотивации или умения и профессионализма?

— Эти ребята по-другому не умеют, так же как немцы не умеют плохо собирать машины. Мне кажется, что они сами понимали, что с таким футболом им ничего не светит. На кураже мы можем творить чудеса, как это было в 2008-м. Беда в том, что кураж нас посещает раз в 20 лет. Работать через не могу мы не умеем, не хотим, не можем — этого нам не дано. Сказать, что кто-то играл спустя рукава или откровенно валял дурака, не могу. Но и чтобы кто-то умирал на поле — тоже.

— До начала чемпионата мира ваши коллеги говорили о гипотетическом интересе к некоторым нашим игрокам со стороны зарубежных клубов. Стоит ли понимать, что теперь шансов продолжить карьеру за границей у Кокорина, Дзагоева или Щенникова нет?

— Вообще. Нет ни одного критерия, из которого бы сложился подобный трансфер. Нет ни спроса, ни желания игроков уезжать. Хотя Кокорин очень хочет играть в Испании, причем — в «Барселоне» или «Реале». Но думаю, многие сейчас протрезвели и осознали, каково наше место в мировом футболе. Возможно, наконец-то кого-то «прорубит», но верится в это с трудом.

— Почему?

— Новая российская религия — религия денег, проповедующая неприкасаемость и вседозволенность, зависящую от количества дезнаков. Знаю, что у многих ребят из сборной еще 3–4 года назад остро стоял вопрос игры на Западе, даже назывались конкретные клубы. Но видимо, когда денег становится больше, чем твое мироощущение готово вместить, гораздо проще предать свою мечту и превратиться в заслуженного артиста, занимающегося чесом по стране. Может, в их понимании уровень зрителей настолько низок, либо они полагают, что уровень их известности или иллюзорного величия настолько велик, что им простят фальшь, дешевую игру и подмену настоящего мастерства?

Каждый должен отвечать за себя. А ответственность — чаще всего она у нас коллективная. Нужно иметь свою позицию, давать трезвую оценку, когда мы побеждаем — радоваться вместе с победителями, а когда там, где сейчас, — то и говорить, как Зырянов.

В любом случае трагедии из нашего выступления делать не стоит — мы получили то, что заслужили. Может быть, сейчас Мутко вспомнит, что он министр спорта, Толстых перестанет гоняться за ведьмами и займется наконец футболом, а люди, тупо зарабатывающие на нашем чемпионате, перестанут голосить о его растущем уровне.

Неглупый немец сказал, что русские медленно запрягают, но быстро едут. Мы никак не запряжем... Нам всем не нравится, что происходит с нашим футболом. Но мы опять готовы прощать и быстро забываем. Видимо, уровень уничижительного отношения к себе не достиг своего апогея. И лишь тотальный провал на домашнем чемпионате мира-2018 может выплеснуть негодование всех, кому небезразличен наш футбол, а кремлевские социологи озаботятся возможной потерей электората. Тогда настанет время перемен.

— Стандартно у поражения три причины — игроки, тренер и система. Кого или что стоит обвинять в первую очередь?

> «Новая российская религия — религия денег, проповедующая неприкасаемость и вседозволенность, зависящую от количества дезнаков»

— Систему. Причем не только спортивную, хотя футбол является отражением жизни, ее устоев и морали. Вознесение до небес каких-то вещей не раз играло с нами злую шутку практически во всех командных видах спорта. Хоккей — это просто пародия. Постоянные провалы, потом какие-то взлеты, то мы сядем в лужу, то мы — чемпионы мира. Это очень по-нашенски. И главное, что ничему не учимся.

— Имеете в виду долгосрочный контракт с Капелло?

— Это очень странная история. Мое воспаленное сознание, учитывая реалии советской России, в состоянии предположить, что итальянец своей зарплатой может с кем-нибудь делиться. Вообще у меня ощущение, что любому человеку, профессионалу своего дела, попавшему в Россию, очень трудно удержаться в рамках своего мироощущения. Он либо под давлением ненормальных денег, либо под абсолютным запредельным уровнем лизоблюдства в свой адрес очень быстро «обрусевает», приобретает присущие нам привычки, и отнюдь не самые хорошие. Капелло может снять только Путин, наверное.

— И уже пошли разговоры об отступных Капелло в случае досрочного разрыва контракта. Реально ли что-то изменить?

— Профессионализм некоторых руководителей вызывает большие вопросы. Сами-то они, конечно, считают, что «в порядке», но ни один алкоголик или психически нездоровый человек в своей проблеме не признается.

Вспомните всех тренеров, кто к нам приезжал, — они не были «прошляками», но специалистами являлись точно отыгранными, пусть и с внушительным багажом. Когда привыкаешь все мерить категориями денег и обволакиваешь себя иллюзиями, остальные вещи, которые делают этот мир настоящим, перестают существовать. Но, как заведено в России, существует круг неприкасаемых, которым можно допускать казусные ошибки без последствий.

— Как только мы получили право проведения чемпионата мира, со всех сторон посыпались обещания о возрождении и развитии детского футбола. Кто будет играть через четыре года?

— Большинство ребят из сборной, которые уже несостоятельны по меркам большого футбола, будет еще играть отборочный турнир к европейскому чемпионату. То, что Капелло в срочном порядке пытается решить вопрос с легионерами, даст ему большее количество людей. Но футболисты высокого уровня не растут как грибы после дождя — есть определенный временной период, за который готовятся высококлассные игроки.

Недавно вернулся с финального турнира ребят 1998 года в Волгограде. Уровень проведения соревнований — как первенство водокачки в колхозе «Большое Дышло»: футболисты сами бегают за мячами, разметки непонятные, судей, похоже, нашли около пивного ларька, хамство тренеров по отношению друг к другу... Апогеем этого футбольного абсурда явилось вручение наград молодым игрокам Рохусом Шохом — председателем Волгоградской федерации футбола, целенаправленно убившим «Ротор». Вот это наш футбол. Посещаю футбольные турниры разных возрастных групп ежегодно, и каждый раз все хуже и хуже... Бросаются в глаза «мазаные» игроки (*те, чей биологический возраст не соответствует паспортным данным.* — **Прим. ред.**), которые порой дорастают до первой сборной. Жизнь — честная штука. У нас пытаются через обман и подлог договориться с удачей и успехом. Но идя такими путями, глупо надеяться на хорошее.

— То есть проблема отечественного футбола не в ногах, а в головах?

— Именно. Мне обидно, что нормальный уровень национального самосознания, а не придуманного дешевого патриотизма, замешанного на национализме или шовинизме, — у нас отсутствует. И мне непонятно, почему в сегодняшней команде не нашлось человека, который бы сказал: «Я при этом клоуне играть не буду». Даже Денисов прошлого созыва, отказавшийся выступать за сборную, вызывает большее уважение, чем те, чье плебейское молчание и подыгрывание Капелло стало частью их самих. Появилась безвольная масса, которую все устраивает.

Поэтому тот же Алексей Сапогов (*бывший игрок «Волги», отказавшийся выступать в чемпионате России.* — **Прим. ред.**) мне гораздо ближе всей этой жирной тусовки. Он честен, неудобен, вспыльчив, может дать в морду. В моем понимании вот это и есть российский футболист. Таким он должен быть. Мне ближе и Суарес с Балотелли, и другие футбольные отморозки, которые, помимо вычурных поступков, не просто играют в футбол, они живут им и доставляют миллионам зрителей удовольствие.

А у нас все такое ладное, холеное. Одни, типа, руководят, другие — типа, тренируют, третьи — типа, играют. По аналогии с главным героем романа «Пролетая над гнездом кукушки» — даже зная, что шансы добиться успеха мизерны, надо пытаться. А у нас никто и пытаться не хочет, продолжая жить в своем болоте!

— То есть вы верите, что Алексей Сапогов как главный бунтарь российского футбола смог бы перевернуть это болото?

— Помимо того, чтобы быть принципиальным, не нужно быть неумным. Но важно понимать, что можно умереть красиво и глупо, а можно суметь изменить этот мир и остаться в живых, дав надежду идущим за тобой. Сапог точно не дурак, но он сегодня не играет в России. А в попытках помочь ему вернуться я натыкаюсь на непрошибаемую стену. Очень обидно, что мы продолжаем трястись, бояться, не замечать или избегать таких ребяток, которые нет-нет да и появляются.

В любом нормальном обществе есть бунтари — вопреки преференциям, деньгам и понтам. Были такие всегда и у нас, причем в гораздо более жесткие времена. Советские спортсмены выступали против системы, когда это грозило серьезными последствиями, которые их и настигали. Но их помнят, в том числе и за эти поступки. Для меня это отождествление спортивного величия — чемпионы и не могут быть с другим духом, другим характером.

Мне грустно, что перевелись Сахаровы, Нуриевы, Ростроповичи, Солженицыны, Бродские, Старостины, Тарасовы, Лобановские, потому что моя страна — это те ребята. Таких сегодня нет...

Беседовала **Дарья КОБЫЛКИНА**

Назад, в девяностый, но — через национальную катастрофу

Два полуфинала: сенсационно зрелищный и предсказуемо унылый — все же сделали битву за Кубок мира межконтинентальной. Точной копией финала 1990 года. Тогда победили немцы

Да никто не предполагал — кроме двух дилетантов, которые поставили жалкие пять фунтов и 20 долларов соответственно на победу сборной Германии. В первом полуфинале чемпионата мира. Над Бразилией. Со счетом 7:1. То, что эти безумцы обогатились один на 2,5 тысячи фунтов, а другой на 46 тысяч долларов, ничего не значит — ну попали, случается. А вот то, что так страшно попали хозяева чемпионата, да еще бразильцы, да еще в первый раз за годы участия во всех финальных турнирах...

Эксперты оказались посрамлены, ни один их прогноз не сработал, объяснения вроде бы лежат на поверхности, но полностью вопроса не исчерпывают. На гудящее над планетой «почему?» ответа нет: полуфинал в Белу-Оризонти уже вписан в историю мирового футбола не только как «разгром на «Минейрао» и самое сильное унижение для бразильской сборной, но и как явление в высшей степени загадочное и непознанное.

Ну хорошо, выбыл из-за травмы лидер атаки Неймар, получил дисквалификацию из-за глупейшей второй желтой карточки самый надежный игрок обороны Тиагу Силва, адекватной замены не нашлось, но кто скажет, что основной защитник «Баварии» Данте или «карманный форвард» из донецкого «Шахтера» Бернард — футболисты никчемные? Почти каждый из бразильцев — звезда своего клуба, как правило, топового, состав можно назвать скромным разве по сравнению с прежними чемпионскими сборными, немецкому он даже в ослабленном варианте не уступал.

Перегрузили футболистов ожиданием непременной и обязательной победы? Так все хозяева так или иначе через давление проходят, пусть и с переменным успехом: последними из больших сборных «домашний синдром» удалось преодолеть блистательным французам в конце прошлого столетия (в том финале-98 они, кстати, как раз и нанесли бразильской сборной единственное крупное поражение). Понятно, что в сумасшедшей футбольной Бразилии, 64 года ждавшей чемпионата мира, своих любимцев совсем затерзали — но и они не мальчики, всякое успели повидать, да и тренерская бригада во главе с Луисом Фелипе Сколари — едва ли не самая опытная и титулованная, знает, как снять напряжение.

С командной игрой и вообще с тактикой, правда, возникали проблемы, и немалые. И хорватов, и мексиканцев, и чилийцев, и колумбийцев главные фавориты побеждали не без проблем — за счет драйва, мастерства отдельных футболистов и прежде всего Неймара. С другой стороны — те же обладающие вполне поставленной командной игрой немцы едва унесли ноги от Ганы, долго мучились с Алжиром, да и в четвертьфинале против Франции ничем особенным не блеснули. Про Аргентину тоже нельзя было сказать, что она показывает идеальный футбол, да и сборная Голландии при всем своем блеске не являлась образцом стабильности.

> Голландцам ничего дополнительного не требовалось — они и без того были самой обделенной главным титулом командой из квартета полуфиналистов

Может быть, латинский турнирный путь сборную Бразилии слегка убаюкал, к благосклонности судей она слишком привыкла, но это все не определяющие факторы. Во всяком случае, дичайшего разгрома хозяев ничто не предвещало: шансы четырех соискателей примерно равны, ждали упорной борьбы. Но в Белу-Оризонти произошел не просто разгром, а с футбольной точки зрения нонсенс, переворачивающий сложившиеся представления об игре как о явлении, все-таки подчиняющемся некой логике. Вот смотрите: бразильцы превзошли соперника по количеству ударов, в том числе и в створ ворот (13 против 12), по количеству угловых (7 против 5), меньше нарушали правила (11 против 14), и в то же время к первому получасу игры тренеры могли выкидывать полотенце — если бы это было не зеленое поле, а ринг.

Они ведь очень легко, даже самоуверенно начали, и не прекратили поддавливать сборную Германии даже после того, как беспечно упустили Томаса Мюллера в штрафной после подачи углового. Но гол неутомимого Мирослава Клозе, сделавший 36-летнего ветерана рекордсменом финальных турниров, прорвал плотину — дальше началась самая кошмарная пятиминутка в истории сборной Бразилии. Хозяева впали в необъяснимый ступор: немцы их обыгрывали, как детей, как любителей, невесть каким образом попавших на мировой футбольный форум. Если бы соперник захотел, он бы и больше забил.

Сколари, золотой тренер-2002, только воздевал руки к небу. Тайм-аутов в футболе не бывает, а придумать что-то неординарное, чтобы остановить катастрофу, ни многоопытный специалист, ни его подопечные не успели. К 30-й минуте все было кончено. Бразильцы опустили головы — доминирующим чувством стало чувство стыда за происходящее, вот почему даже когда сборная Германии позволила себе в начале второго тайма расслабиться, и Мануэля Нойера трижды пробивали в упор, мяч в ворота не шел. А мексиканский судья Марко Родригес оказался к хозяевам совсем неблагосклонен и в такой безнадежной для них ситуации — ну, если уж он пару раз не дал пенальти в пользу бразильцев, немцы после издевательского дубля 23-летнего Андре Шюррле сами дали забить Оскару гол, который даже голом престижа назвать сложно.

Случаются в футболе явления, которые нужно выводить за скобки, — они ни во что не встраиваются, их нереальность и невозможность не поддается осознанию и анализу. Так и сейчас — происшедшее на «Минейрао» мир оставило в недоумении, а бразильцев как нацию придавило до такой степени, что даже грандиозных погромов не вызвало. Так, дежурно побуянили в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, еще кое-где, сожгли с десяток автобусов, десяток зачинщиков арестовали. Но и самба тоже звучала — как протест против незаслуженной небесной кары, как выплеск отчаяния. Сборной этого позора не простят, даже если она по призыву президента Дилмы Русеф отряхнет пыль поражения с колен и вернется в игру. Может, даже возьмет бронзовые медали.

Что касается медалей золотых, то я бы не спешил заранее объявлять действительно великолепных немцев чемпионами. Они прекрасно воспользовались потерей ориентации у соперников, разложили их на составляющие с хладнокровием патологоанатома, но не исключено, что это был все-таки казус Бразилии, а не подвиг сборной Германии под руководством Йоахима Лева.

...А накануне умер Альфредо ди Стефано. Почетный президент мадридского «Реала», великий аргентинский и испанский бомбардир, кумир дотелевизионной эпохи. Второй полуфинал начался с минуты молчания, и у сборной Аргентины помимо непосредственной причастности к этому печальному событию был еще один повод отдать все для победы — День независимости. Голландцам же ничего дополнительного не требовалось — они и без того были самой обделенной главным титулом командой из квартета полуфиналистов.

Вот эта игра в Сан-Паулу на «Арене Коринтианс», в отличие от предыдущей, мой прогноз в «Новой» оправдывала полностью — лоб в лоб, кость в кость, тяжелая работа с редкими проблесками голевых моментов и почти полным отсутствием риска. У голландцев потерялся Арьен Роббен, у аргентинцев до поры чуть заметнее партнеров был Лионель Месси, но до перерыва звезды не блистали, и дело сразу пахло ничейным результатом, дополнительным временем и даже послематчевыми пенальти. Самые непредсказуемые тренеры бразильского чемпионата Луи ван Гал и Алехандро Сабалья были показательно сдержанны, а их команды — осторожны и осмотрительны, турецкий судья Джюнейт Чакыр — предельно внимателен. На контрасте с происходившим накануне в Белу-Оризонти (по-своему уникальное действо собрало рекордное количество откликов, став самым ярким событием интернетовской эпохи) это исполненное внутреннего нерва, но внешне лишенное изыска зрелище клонило в сон.

Но спать было нельзя. Нельзя было пропустить одно-единственное мгновение, и его мог сотворить на последних секундах основного времени именно Арьен Роббен, который все-таки проснулся и вскрыл аргентинский железобетон с левого края — но нога Хавьера Маскерано встала на пути мяча, направленного в дальний угол ворот Серхио Ромеро.

Голландцы были чуть лучше, но первый удар в створ нанесли лишь к середине первого дополнительного тайма. Аргентинцы были чуть хуже, но во втором овертайме Родриго Паласио мог поставить точку. В Белу-Оризонти случился один прекрасный ужас, в Сан-Паулу — совсем другой, с нулевым исходом и серией пенальти. Бразильский мундиаль на исходе выдал два разных, даже абсолютно противоположных действа, каждое из которых и по содержанию, и по духу празднику не соответствовало. Но футбол по заказу не живет.

Может, и хорошо, что эмоций почти не осталось. Это я про серию пенальти и руки голкипера Серхио Ромеро, буквально втащившие Аргентину в финал.

Этот финал все-таки будет межконтинентальным. В точности повторяющим финал 1990 года, который мало чем запомнился. Разве только тем, что победили немцы.

Владимир МОЗГОВОЙ,
обозреватель «Новой»

EPA

Вратарь голландцев Яспер Силлессен не раз выручал свою команду, но в серии пенальти со сборной Аргентины оказался бессилен

Reuters

После поражения от сборной Германии капитан бразильцев Давид Луиз со слезами на глазах просил прощения у народа

PRO-РЕЗЕРВ

С зачеткой на пьедестал

IV ВСЕРОССИЙСКАЯ ЛЕТНЯЯ УНИВЕРСИАДА 2014

Сразу несколько регионов страны приняли самые массовые соревнования российских вузов

Соревнованиями по фехтованию и гандболу завершилась IV Всероссийская летняя Универсиада. Самые масштабные студенческие старты, возрожденные союзом Министерства спорта и Министерства образования, стартовали около двух недель назад в Казани, чтобы принять более 1500 участников со всей страны.

Студенты высших учебных заведений отправились в Екатеринбург, Пензу, Смоленск и Йошкар-Олу, чтобы выявить сильнейших в 15 видах программы Универсиады. В ней присутствовали и традиционные олимпийские виды спорта, культивирующиеся во многих вузах страны, — баскетбол, волейбол, бокс, тхэквондо, гандбол, бадминтон, легкая атлетика, теннис (и настольный, естественно), фехтование и плавание. И нововведения организаторов, добавившие юношеского задора и драйва, — самбо, регби-7 и танцевальный спорт. А шахматные партии участников поставили интеллектуальную точку в состязаниях.

Каждый год результаты соревнований становятся открытием для специалистов, причем не всегда со знаком плюс. Хотя качество их проведения в Казани было отмечено на самом высоком уровне. Директор ФЦПРС **Дмитрий КИСЕЛЕВ**, открывая студенческие старты, подчеркнул: «*Инфраструктура, созданная в столице Татарстана, отвечает всем мировым стандартам качества. Организация и логистика, закаленная прошлогодней Всемирной Универсиадой, прошла проверку временем. Соревнования, проходящие на новых спортивных объектах, стимулируют молодых атлетов на новые подвиги и мотивируют интерес к спорту, неизменно превращающийся в привычку, у подрастающего поколения*». А от массовости к мастерству — как от Ванкувера-2010 до Сочи-2014.

Дарья КОБЫЛКИНА,
Казань

12+
СОВМЕСТНО С МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕЛЕКОМПАНИЕЙ RTVi
РАДИО ЭХО МОСКВЫ
Особое мнение
Редакция (495) 695-92-29
17:08 19:08
ПОНЕДЕЛЬНИК-ПЯТНИЦА
FM91.2 www.echo.msk.ru
ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ В ИНТЕРАКТИВНОМ ВЕЧЕРНЕМ ЭФИРЕ
Реклама

ТЕЛЕНЕДЕЛЯ

с Ириной ПЕТРОВСКОЙ

А «Дождь» идет? А «Дождь» идет

Маленький, но гордый и оптимистичный канал живет — не убивается

Все же надежда была. Маленькая такая надежда. Точнее — две, но о-о-о-чень маленькие: на то, что Совет Федерации не одобрит поправки к закону «О рекламе», скоропостижно принятые Госдумой, а если и одобрит (СФ у нас одобрительный в основном), то президент Путин наложит на них свое вето. Последняя надежда умерла первой: президент ввиду отбытия в длительную командировку подписал все принятые Госдумой законодательные акты в ночь накануне заседания Совета Федерации, о чем сам же и сообщил на встрече с Общественной палатой еще ДО ТОГО, как сенаторы проголосовали за злополучные поправки. Вот был бы цирк с конями, если бы сенаторы чего-то вдруг не одобрили! Но не подвели государственные мужи своего президента. Все вышло как надо. А кому это надо и почему все решалось в такой спешке — пусть теперь думают аналитики и пострадавшие от поправок так называемые «платные каналы».

Хотя что тут особенно думать-то? «Мелкие», независимые и несогласные должны покинуть поляну. Вот канал «Дождь», к примеру, душили-душили, душили-душили, а он все рыпается и никак не может понять, что кончилось его время и нет ему места в дружной и монолитной семье тех, кто давно понял, как надо, и теперь отлично себя чувствует.

Причем нет ему места в буквальном смысле, и в самое ближайшее время он обязан выметаться из помещения на «Красном Октябре», ибо кончился срок аренды, и продлевать его арендодатель не намерен. Ладно, не намерен, допустим. Это дело арендодателя. Но именно на это «свято место», как сообщила генеральный директор «Дождя» Наталья Синдеева, въедут структуры медиахолдинга LifeNews. Вот уж воистину — «где стол был яств, там гроб стоит». Ну, в смысле — «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны меж собой».

Одна из основателей «Дождя» и бывший его креативный продюсер Вера Кричевская, узнав об этой новости, написала пронзительные строки: «Вспоминается давний публичный разговор Альфреда Коха с Евгением Киселевым во время развала старого НТВ. Евгений Киселев в студии «Гласа народа», сидя напротив Альфреда Коха, сказал: «Вот представьте, к вам в дом, в котором выросли ваши дети, пришли шлюхи и устроили бордель». Вот с «Дождем», вот буквально в дом, который мы строили, в котором буквально родились наши дети, в котором они выросли и делали уроки, привели шлюх устраивать там бордель. Это надругательство. Надругательство, которое стало частью государственной идеологии... Это место было создано вопреки здравому смыслу. Этот канал был создан вопреки здравому смыслу. И именно по этому «вопреки» там была жизнь и именно из-за этого «вопреки» так тяжело убить. Не убивается. Это место создавалось с огромной любовью, со страстью. И всего этого не станет, как только туда придет другой арендатор. Они не получат главного — энергетики и легенды места. А это главная «капитализация» «Дождя». Именно против этой энергетики государство развернуло всю свою мощь, а не выйдет».

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

А ведь и правда — редкой живучести оказался этот маленький, но гордый канал. «Тебя так убить, или желаешь помучиться?» — словно спрашивают «дождевиков» сильные мира сего, изгаляясь, подобно главарю басмачей Абдулле из легендарного «Белого солнца пустыни». «Лучше, конечно, помучиться», — словно отвечают «дождевики», ухмыляясь, подобно красноармейцу Сухову. Сила, конечно, пока на стороне условного Абдуллы, обложившего условного товарища Сухова со всех сторон. Но как говаривали герои другого фильма: «В чем сила, брат? Сила — в правде». Ощущая за собой эту силу, вопреки всем сложившимся обстоятельствам, и живет «Дождь».

Вера Кричевская в процитированном уже тексте изумлялась и восхищалась тем, как удается Наталье Синдеевой не впадать в отчаяние и уныние. Изумляюсь и я, глядя, как она не только руководит опальным каналом, но и еженедельно с недавних пор выходит в эфир «Дождя» с собственной одноименной программой: красивая, живая, оптимистичная, душа и лицо своего optimistic channel. Она не называет это интервью и не считает себя интервьюером — просто зовет по-приятельски поговорить людей, которые ей интересны, преимущественно — журналистов, уже прошедших свой тернистый путь в профессии, но не скурвившихся, не сдавшихся, не подстроившихся под изменившуюся «линию партию»: Ирену Лесневскую, Юрия Сапрыкина, Павла Лобкова, Алексея Пивоварова.

На минувшей неделе Синдеева как раз с Пивоваровым общалась. И уже ближе к финалу, признавшись, что скучает по Пивоварову и прежним энтэвэшникам в эфире, вдруг погрустнела, словно примеряя судьбу коллег на себя, и спросила своего гостя: вот, мол, и ты, и Леня Парфенов и многие другие птенцы «гнезда Парфенова» ушли с ТВ — вы как-то обмениваетесь своими состояниями? Каково это — оказаться вне эфира после многих лет работы в нем? «Те, кто работал на НТВ в разные годы, едины, — ответил Алексей Пивоваров. — Нас связывает химия, что ли. Времена не выбирают, а то, что было, то не вернется. Может, будет что-то другое. Поэтому не спрашивай: почему прошло? Скажи: спасибо, что было».

Павел Лобков, в отличие от Алексея Пивоварова, ушедшего из кадра на менеджерскую должность, остался на ТВ и успешно трудится на «Дожде». Переживший разные этапы перерождения, а потом и вырождения НТВ и умудренный этим печальным знанием, он в разговоре со своей начальницей ее оптимизма насчет будущего «Дождя» поначалу не разделяет. Но к концу программы Наталье Синдеевой даже его, скептика и циника (как он сам себя называет), кажется, удается обратить в свою веру. Она с такой убежденностью говорит, что «Дождь» никогда не кончится, пусть и будет идти в другом месте, куда скоро ему предстоит перебраться, что Павел Лобков тут же вызывается поработать грузчиком, перетаскивая на себе оборудование из старого помещения в новое. «Отлично, — сияет белозубой улыбкой Синдеева. — Мы будем показывать в прямом эфире, как будем переезжать».

И меня, зрителя, тоже пробивает через экран эта ее уверенность, что все у них будет хорошо. В короткой перспективе (как писала Вера Кричевская) — нет. А в долговременной — да. Ну, или почти наверняка — да. Всякой кошке, играющей с пойманной мышкой, тоже, вероятно, всегда кажется, что мечущейся и ополоумевшей от предсмертного ужаса маленькой зверюшке никуда не деться от ее когтистой лапы. Однако мышки мышкам рознь, и самым шустрым из них все же удается найти лазейку и оставить кошку с носом. Не говоря уже о том, что и кошки со временем дряхлеют, утрачивают охотничий нюх и азарт и становятся абсолютно бесполезными в деле ловли мышей. Кот из дома — мыши в пляс.

Редакторы номера: О. Боброва, О. Хлебников

www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете: NovayaGazeta.Ru

Новая газета

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: **Ольга БОБРОВА** (обозреватель), **Сергей КОЖЕУРОВ** (первый зам главного редактора), **Андрей КОЛЕСНИКОВ** (редактор раздела «Мнения и комментарии»), **Александр ЛЕБЕДЕВ** (зам главного редактора), **Андрей ЛИПСКИЙ** (зам главного редактора, редактор отдела политики), **Нугзар МИКЕЛАДЗЕ** (зам главного редактора, редактор службы информации), **Алексей ПОЛУХИН** (редактор отдела экономики), **Георгий РОЗИНСКИЙ** (зам главного редактора), **Юрий РОСТ** (обозреватель), **Петр САРУХАНОВ** (главный художник), **Юрий САФРОНОВ, Сергей СОКОЛОВ** (зам главного редактора, расследования — «отдел Юрия Щекочихина»), **Ольга ТИМОФЕЕВА** (редактор отдела культуры), **Олег ХЛЕБНИКОВ** (зам главного редактора), **Виталий ЯРОШЕВСКИЙ** (зам главного редактора, омбудсмен редакции)

Обозреватели и специальные корреспонденты: **Роман АНИН, Юрий БАТУРИН, Борис БРОНШТЕЙН, Борис ВИШНЕВСКИЙ, Ирина ГОРДИЕНКО, Эльвира ГОРЮХИНА, Елена ДЬЯКОВА, Зоя ЕРОШОК, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Сергей КАНЕВ, Павел КАНЫГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО, Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МАСЮК, Владимир МОЗГОВОЙ, Ирек МУРТАЗИН, Галина МУРСАЛИЕВА, Леонид НИКИТИНСКИЙ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Юлия ПОЛУХИНА, Елена РАЧЕВА, Людмила РЫБИНА, Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Диана ХАЧАТРЯН, Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА**

Ведущие рубрик: **Евгений БУНИМОВИЧ, Дмитрий БЫКОВ, Александр ГЕНИС, Павел ГУТИОНТОВ, Юрий РЕВИЧ, Кирилл РОГОВ, Дина РУБИНА, Владимир РЫЖКОВ, Ким СМИРНОВ, Артемий ТРОИЦКИЙ, Сергей ЮРСКИЙ**

Руководители направлений: **Руслан ДУБОВ** (спорт), **Лариса МАЛЮКОВА** (кино), **Елена МИЛАШИНА** (спецпроекты — «отдел Игоря Домникова»), **Надежда ПРУСЕНКОВА** (пресс-служба)

Собственные корреспонденты: **Надежда АНДРЕЕВА** (Саратов), **Георгий БОРОДЯНСКИЙ** (Омск), **Иван ЖИЛИН** (Киров), **Сергей ЗОЛОВКИН** (Гамбург), **Сергей КУРТ-АДЖИЕВ, Наталья ФОМИНА** (Самара), **Виктория МАКАРЕНКО** (Ростов-на-Дону), **Александр МИНЕЕВ** (Брюссель), **Ольга МУСАФИРОВА** (Киев), **Нина ПЕТЛЯНОВА** (Санкт-Петербург), **Алексей ТАРАСОВ** (Красноярск), **Евгений ТИТОВ** (Краснодар), **Ирина ХАЛИП** (Минск)

Группа выпуска: **Юрий КОЗЫРЕВ** (директор фотослужбы), **Анна АРТЕМЬЕВА, Евгений ФЕЛЬДМАН** (фотокорреспонденты), **Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА** (бильдредакторы), **Оксана МИСИРОВА, Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО** (технические редакторы, дизайн, макет)

WEB-редакция: **Константин ПОЛЕСКОВ** (редактор), **Зинаида БУРСКАЯ, Мария ЕПИФАНОВА, Сергей ЛИПСКИЙ, Наталья ПОЛОВИНКО, Ольга ПРОСВИРОВА, Евгений ШИРЯЕВ**

ДИРЕКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (генеральный директор)

Светлана БОЧКАЛОВА (распространение), **Владимир ВАНЯЙКИН** (управление делами), **Владимир ГРИБКОВ** (заместитель директора), **Наталья ЗЫКОВА** (персонал), **Вера ИЛЬЕНКО** (реклама), **Ярослав КОЖЕУРОВ** (юридическая служба), **Валерий ШИРЯЕВ** (заместитель директора), **Сталина УСПЕНСКАЯ** (директор по уюту)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.
Пресс-служба: 8 495 926-20-01
Отдел рекламы: 8 495 648-35-01, 621-57-76, 623-17-66, reklama@novayagazeta.ru
Отдел распространения: 8 495 648-35-02, 623-54-75
Факс: 8 495 623-68-88.
Электронная почта: 2014@novayagazeta.ru
Подписка на электронную версию газеты: distrib@novayagazeta.ru

Подписные индексы:
32120 (для частных лиц) **40923** (для организаций)
Подписка на газеты и журналы по Москве через интернет: www.gazety.ru

Газета печатается **во Владивостоке, Екатеринбурге, Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Рязани, Самаре, Санкт-Петербурге.**
Зарубежные выпуски: **Германия, Израиль, Казахстан**

Общий тираж — **233 050 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **14 962 205** просмотров за май 2014 г.

Материалы, отмеченные знаком 18+, печатаются на правах рекламы.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.
Учредитель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция и издатель: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© АНО «РИД «Новая газета», 2014 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Срок подписания в печать по графику: 19.30, 10.07.2014 г.
Номер подписан: 19.30, 10.07.2014 г.
Отпечатано в ЗАО «Прайм Принт Москва». Адрес: 141700, МО, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д.5Б. Заказ № 2987. Тираж — 46 850 экз. Общий тираж — суммарный тираж московских и региональных выпусков за неделю. Цена свободная.